

СПУТНИК ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

межвузовский научный журнал

№ 3 | 2021

♦ ♦ ♦

выпуск

Современный конституционализм: теория и практика

Modern Constitutionalism:
Theoretical and Practical Aspects

.....
Москва — Санкт-Петербург — Ростов-на-Дону — Сочи
.....

Тематические выпуски «СВШ»

Редакция ведет прием авторских материалов в специальные выпуски: «Прикладная и фундаментальная экономика», «Современное право: проблемы и тенденции», «Социальные и гуманитарные науки», «Современный конституционализм: теория и практика».

Максимальный срок рассмотрения авторских текстовых оригиналов — 30 календарных дней. Статьи, не требующие литературной и редакторской обработки, проходят рецензирование и размещаются на бесплатной основе.

Подробная информация доступна по QR-коду или на сайте <https://sputnik-nauki.ru>.

Редакционный совет

БОЙКО Александр Иванович,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Южно-Российского института управления — филиала ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при президенте Российской Федерации» (ЮРИУ РАНХиГС),
доктор юридических наук, профессор (сопредседатель редакционного совета)

• • •

БОНДАРЬ Николай Семенович,
судья Конституционного Суда РФ (2000–2020),
главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве РФ, заведующий кафедрой
муниципального права и природоохранного законодательства
Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ
(сопредседатель редакционного совета)

• • •

АРЕФИНКИНА Екатерина Геральдовна,
заведующая кафедрой уголовного права и процесса Сочинского института
(филиала) Российского университета дружбы народов, кандидат юридических наук

• • •

ГУНИНА Елена Николаевна,
доцент кафедры управления развитием пространственно-экономических систем
Южного федерального университета, кандидат экономических наук

• • •

ИОНОВА Зинаида Николаевна,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургской юридической академии,
кандидат исторических наук

• • •

ЛАЗАРЕВ Владимир Александрович,
профессор кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике Юж-
ного федерального университета, доктор филологических наук

• • •

МЕДВЕДСКАЯ Татьяна Константиновна,
доцент кафедры «Бухгалтерский учет, анализ и аудит»
Донского государственного технического университета,
кандидат экономических наук

• • •

НИКОЛАЕВ Сергей Георгиевич,
заведующий кафедрой английской филологии Южного федерального университета,
доктор филологических наук, профессор

• • •

РАТЬКОВ Александр Николаевич,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Сочинского филиала Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

Трибуна редакционного совета

Бондарь Н. С. Конституционализм как единство
политико-правовых и нравственно-этических начал 5

Конституционные ценности в теории и практике правосудия

От редакции. Научно-образовательный центр
судебного конституционализма ЮФЦ: 2020–2021 11

Бондарь Н. С. Уроки конституционализма в контексте традиций
академического юридического образования на Дону 12

Ионова З. Н. Ценностная основа российской государственности
и проблемы обеспечения национальной безопасности 21

Яковлев-Чернышев В. А. Научный руководитель: Ратьков А. Н.
Роль Конституционного Суда РФ в правильном определении
подсудности и подследственности уголовных дел 26

Пуцин А. И. Научный руководитель: Поляков А. В.
Права человека в коммуникативной теории права 31

Правоведение

Фролов В. В. Социальные аспекты юридической ответственности:
эволюция научного понимания 36

Жаноква З. А. Понятие антикоррупционной политики государства
в отечественной юридической науке 42

Ерёменко В. П. Научный руководитель: Ионова З. Н.
Эволюция института судебных приставов в России 48

Условная индексация авторов по статусу исследовательской активности:

молодой ученый, занимающийся разработкой отдельных аспектов какой-либо научной проблемы под руководством наставника или самостоятельно, имеет опыт исследовательской деятельности на уровне вуза, участвует в региональных научных конференциях;

представитель отдельного научного направления (научной школы), имеет ученую степень (звание), систематически участвует в межрегиональных научных форумах, располагает собственными (или в соавторстве) публикациями по исследуемой проблематике;

независимый исследователь или исследователь-практик, совмещающий научную и/или педагогическую деятельность с работой по основной профессии; располагает собственными (или в соавторстве) публикациями по исследуемой проблематике;

лидер региональной научной школы; развивает собственное научное направление; является признанным авторитетом в научном сообществе; располагает значительным количеством публикаций по исследуемой проблематике.

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК ЕДИНСТВО ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ И НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИХ НАЧАЛ

Конституционализм — понятие не только публично-политическое, но и частно-правовое, нравственно-этическое. В этом тезисе необходимо видеть не противопоставление, а взаимодополнение, тесное переплетение нравственно-этических, публично-правовых и частных начал конституционализма.

Даже к самому понятию конституционализма, не говоря уже о подготовке специалистов в области конституционализма, немислимо подходить без учета наших, отечественных, а не заимствованных извне в виде неких политико-идеологических и формально-юридических инъекций, нравственных национально-культурных представлений о власти и собственности, свободе и ответственности, о всем том, что составляет глубинные характеристики реального конституционализма.

При всей сложности и противоречивости развития российского конституционализма (как в отношении его научно-теоретических, так и прикладных компонентов) представляется важным осознание того, что отечественный конституционализм берет начало не в 90-е годы прошлого века. История российского конституционализма слита с историей России, что является отражением цельности духовной культуры и нравственного духа нации. Недопустимо извлекать из этой Великой книги отдельные страницы — ни советского, ни самодержавного (в том числе придворно-бюрократического), ни либерально-демократического, ни любого иного периода развития отечественного конституционализма.

Каждый народ имеет такую систему конституционализма, которая соответствует его национальным, историческим, социокультурным потребностям и традициям и, конечно, которой он... достоин. Судьба российского конституционализма, науки конституционного права и практики конституционного строительства отражает непростую судьбу нашего Отечества. Ее необходимо не только понимать и принимать, но и уважать, любить такой, какая она есть, и не пытаться «обосновывать» в угоду кому бы то и чему бы то ни было, что «конституционализм» — якобы порождение чисто западной, в частности, протестантской культуры, утверждая, что как сто лет назад, так и сейчас, он якобы чужд российскому менталитету.

Не «импортно-либеральным», а именно таким подходам к проблемам конституционализма я учился в свое время, задолго до демократических преобразований 1990-х годов, у прекрасных ученых — своих Учителей, которые — как я теперь, спустя многие годы, могу со всей определенностью сказать — были конституционалистами не по научной специализации, а по призванию, в силу своего субъективного, подлинно научного и нравственно выверенного юридического

мировоззрения (чего, кстати, так не достает сегодня многим, особенно молодым ученым «новой» формации).

Конечно, на научных идеях и публикациях советского периода не могли не сказываться идеологические догмы и общеобязательность коммунистической идеологии. Но, очистив научные зерна от идеологических плевел, можно оценить глубину многих идей и концептуальных подходов, порой опережавших время и предвещавших будущие конституционные перемены (до которых, к сожалению, не все мои учителя дожили).

При всей дискуссионности многих проблем становления и развития отечественного конституционного права для меня очевидным является тот факт, что особую роль в утверждении идей конституционализма, конституционализации «советского государственного права», и его превращении в конституционное право как ведущую отрасль правовой системы сыграли в свое время ленинградская и саратовская школы конституционного права¹.

Очень многих моих учителей можно смело назвать классиками отечественного конституционализма; благодаря им я впитывал *отечественные, российские идеи и традиции конституционализма*, Их научные идеи, как и нравственные уроки жизни, важны для меня и сегодня: ведь конституционализм, являясь в своей основе политико-правовым явлением, предстает в то же время, говоря языком И. Канта, и как *нравственный императив*, причем не только для субъектов публичной власти, но для каждого члена нашего общества, являющегося прежде всего гражданином своей страны, а уже потом носителем профессиональных знаний и ролевых функций. Немало на моем пути встретилось тех, кто помог осознать это. Имею в виду, естественно, не только правоведов, чьи лекции я слушал в университетских аудиториях. Можно привести множество примеров бесценных нравственно-этических уроков, преподанных мне коллегами из других вузов.

Из ушедших в вечность моих университетских (по РГУ) Учителей, ближе всего находившихся к государственноведческой специализации, могу назвать Ивана Федоровича Рябко, Александра Анатольевича Пушкаренко, Константина Георгиевича Федорова и других².

¹ В этом плане достаточно назвать первые работы, заложившие основы конституционализации советской государственно-правовой науки: Фарбер И. Е., Ржевский В. А. Вопросы теории советского конституционного права. Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1967; Советское конституционное право, под ред. С. И. Русиновой, В. А. Рянжина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975.

² Не могу удержаться, чтобы, пусть и в формате подстрочной сноски, не сказать, например, об удивительном человеке, участнике Великой Отечественной войны И. Ф. Рябко. К сожалению, наша правовая историография не зафиксировала того безусловного факта, что автором идеи общих правоотношений в 1958 году стал именно профессор И. Ф. Рябко (см.: Ученые записки Ростовского ун-та. Вып. 2. Т. 17. Ростов н/Д., 1958. С. 3–17). В свое время, будучи студентом второго курса юрфака, я докопался до этой истины, когда писал курсовую работу у И. Ф. Рябко. При этом с удивлением обнаружил публикации очень известного ученого, который позже стал писать об общих правоотношениях, но без ссылок на проф. Рябко. В юношеском порыве я предложил И. Ф. Рябко опубликовать статью об общих правоотношениях в центральном журнале, «застолбить» тем самым свой приоритет. В ответ я встретил абсолютное спокойствие и невероятное внутреннее достоинство человека, уверенного в торжестве справедливости: «Писать еще одну статью по одной и той же проблеме не буду. История рассудит, кому принадлежит приоритет», — сказал профессор. К огромному сожалению, в этом случае он ошибся...

Начав достаточно рано, еще с аспирантского периода, участвовать в научных конференциях, я постепенно познакомился с плеядой выдающихся исследователей. По их научным трудам постигал я природу конституционализма. В последующем со многими из них сложились у меня добрые человеческие отношения и как с учителями, и порой как со старшими товарищами. Поскольку есть опасение кого-то нечаянно не упомянуть, назову лишь несколько фамилий.

Пусть не покажется для кого-то неожиданным — это академик Юрий Кириллович Толстой: всем он известен как выдающийся цивилист, но в 1979 году, когда я защищал кандидатскую диссертацию в ЛГУ, он был профессором кафедры государственного и административного права; как я полушутя-полусерьезно говорил, тогда он был ведущим конституционалистом, а учитывая, что моя диссертация касалась конституционных проблем собственности и экономических прав граждан, не удивительно, что именно Ю. К. Толстой стал главным судьей (рецензентом) моей диссертации; в дальнейшем к моей большой радости у нас сложились, как мне кажется, не только научные, но и добрые человеческие отношения, которыми очень дорожу¹.

Защита моей докторской диссертации тесно связана с двумя другими конституционно-правовыми кафедрами — МГУ и Саратовской академии права — и, соответственно, с заведующими этих кафедр — замечательными конституционалистами Суреном Адибековичем Авакьяном и Владимиром Терентьевичем Кабышевым. Как-то неожиданно (имея в виду не заслуги, они очевидны, а временной фактор) сегодня они уже вполне заслужили почетные звания «молодых патриархов» российского конституционализма. Благодарен судьбе, что не один десяток лет мы вместе идем по жизни, в том числе в профессиональном плане.

То же самое можно сказать о конституционалистах моего поколения, со многими из которых довелось познакомиться на знаменитых «школах молодых юристов» и Звенигородских конференциях, проходивших с участием мэтров советской юридической науки и нас, молодых аспирантов и преподавателей, которым все было интересно: начиная от проблем «метаправа» и заканчивая конституционными аспектами реализации права на тайну частной жизни... Кто там бывал, никогда не забудет ту неповторимую атмосферу!

Нам, молодым, ничто человеческое не было чуждо. Но в то же время с каким упорством, интересом и, я бы сказал, искренним энтузиазмом постигали мы премудрости науки конституционализма! Это были, в том числе, достаточно новые для того периода проблемы — прав человека, конституционной ответственности, свободы печати, самоуправления и т. д. Даже если соответствующие конституционные категории обозначались исключительно в связке с прилагательным «социалистический», их научная глубина чаще всего не страдала. Не случайно наше поколение конституционалистов оказалось столь востребованным в эпоху демократических перемен в самых различных областях, начиная с администрации Президента России и продолжая высокими должностями Генерального прокурора, министра печати и информации России, судьи Конституционного Суда РФ, пар-

¹ Горжусь тем фактом, что из рук именно Юрия Кирилловича Толстого я получил в 2015 году статуэтку первой премии Санкт-Петербургского отделения Союза юристов России в области юридической науки.

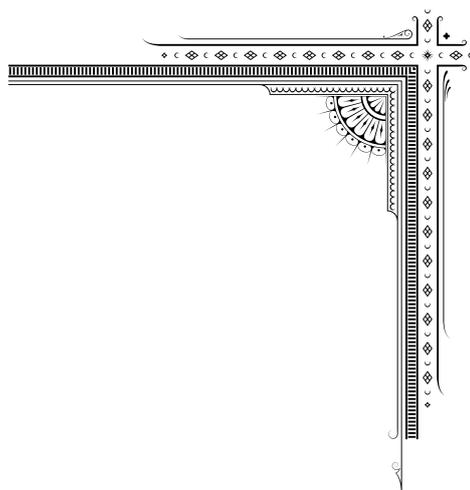
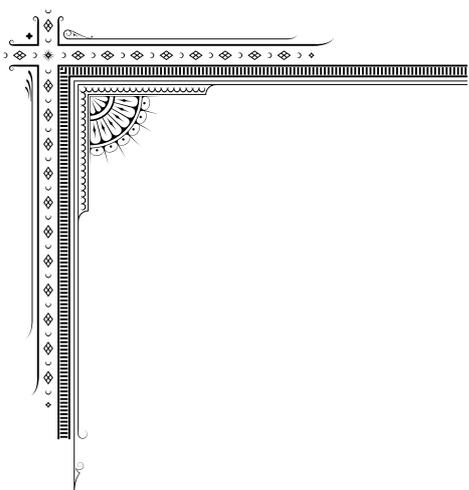
ламентария, профессоров юридических вузов и даже... космонавта (профессору Ю. М. Батурину удалось «поднять» идеи российского конституционализма даже в безвоздушное пространство!). Приятно, что с некоторыми из них и сегодня мы достаточно дружны, с искренним желанием встречаемся друг с другом и со своей конституционной юностью.

Но время летит быстро. И вот уже обнаруживаешь в числе перешедших в разряд маститых ученых (в том числе конституционалистов) вчерашних своих учеников, которым то ли читал лекции на юрфаке, то ли оппонировал при защите диссертаций (а таких достаточно много), то ли наставлял, выступая научным руководителем или консультантом при написании ими диссертаций.

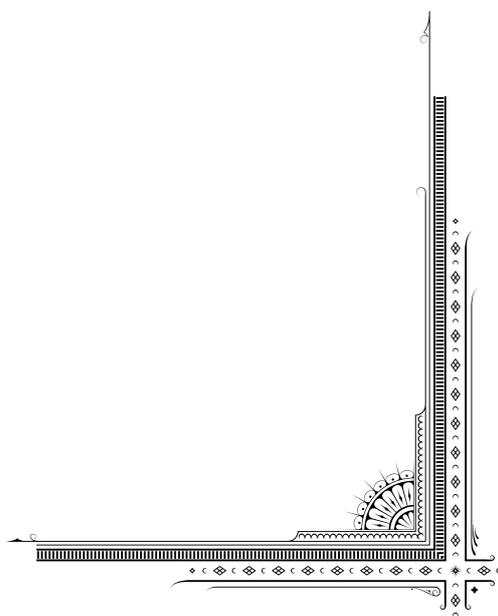
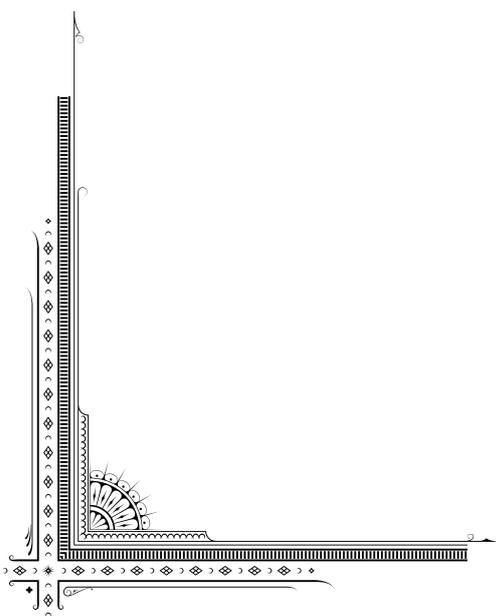
Как ранее, так и сейчас не считаю зазорным продолжать учиться, в том числе у учеников. Без этого может не только притупиться чувство нового, но есть элементарная опасность задержаться в дне вчерашнем, а значит, безнадежно отстать от нынешних аспирантов и студентов. Выход один — постоянный и интенсивный научный поиск, в основу которого должны быть положены профессионально-юридические и нравственно-этические принципы, которые я позволил себе объединить в понятии «уроки конституционализма». Содержание этих «уроков» подробно раскрыто в очерке, который читатель найдет на страницах этого журнального выпуска.

*Н. С. Бондарь, председатель редакционного совета,
зав. кафедрой муниципального права и природоохранного законодательства ЮФУ,
главный научный сотрудник ИЗиСП при Правительстве РФ,
судья Конституционного Суда РФ (2000–2020 гг.), руководитель
Научно-образовательного центра судебного конституционализма ЮФУ,
д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ*

Секция
**«КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ
В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ПРАВОСУДИЯ»**

Научно-образовательный центр судебного конституционализма Южного федерального университета был открыт **16 октября 2020 года** на базе юридического факультета ЮФУ.

Главная задача Центра — соединение юридической науки и образования с правоприменительной практикой. Руководит Центром профессор Н.С.Бондарь.

Направления деятельности Центра:

- решение научно-теоретических, учебно-методических, практико-прикладных задач в нормотворческой (муниципальной, региональной) и правоприменительной (судебной, правоохранительной, управленческой) деятельности;
- развитие межкафедральных, межотраслевых, междисциплинарных научно-образовательных связей;
- исследование актуальных проблем правотворческой и правоприменительной практики.

ЦЕНТР СУДЕБНОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА: 2020—2021

В этом году Научно-образовательный центр судебного конституционализма Южного федерального университета перевернул только первую страницу своей истории. Но даже этот небольшой период был насыщен целым рядом знаковых событий, важнейшими из которых, по нашему мнению, следует признать два ростовских форума судебного конституционализма. Смешанный формат участия в работе научно-практического мероприятия, предложенный НОЦ СК ЮФУ, позволил собрать для плодотворной работы на новой экспертной площадке ведущих ученых-юристов страны, деятелей депутатского корпуса, а также представителей судебных органов общей и арбитражной юрисдикции, представителей властных структур.

Главный замысел учреждения Центра изначально состоял в соединении юридической науки, образования и практической юриспруденции. В современных условиях глобальных, непредсказуемых социально-экономических, политических перемен и динамичного, зачастую крайне нестабильного и не во всем совершенного законодательства практики-правоприменители объективно нуждаются в постоянной профессионально-доктринальной «подпитке» со стороны юридической науки. Центр судебного конституционализма ЮФУ как раз и призван решить эту задачу на основе объединения усилий и обеспечения тесного взаимодействия теоретической и практической юриспруденции.

Конституционализм является универсальным понятием, имеющим фундаментальное значение для всех отраслей и институтов правовой системы и правоприменительной практики. Это — обширное исследовательское пространство для юристов и экономистов, философов и социологов, государствоведов и цивилистов, криминалистов и административистов, теоретиков и практиков юриспруденции.

В структурно-содержательном плане конституционализм вбирает в себя:

- во-первых, конституционную доктрину, философско-правовую теорию развития общества и государства, их взаимоотношений с личностью;
- во-вторых, практику, конституционно-правовую онтологию конституционной государственности в самом широком проявлении ее законотворческого, правоприменительного и, естественно, судебного бытия;
- в-третьих, нормативно-правовой компонент, систему конституционного законодательства во главе с Конституцией;
- в-четвертых, конституционализм — одна из форм общественного сознания, характеризующаяся единством конституционной психологии и конституционной идеологии, на основе которых становится возможным формирование в обществе нового типа юридического, конституционного, мировоззрения.

На все составляющие конституционализма при этом активно воздействует государственно-властная энергетика правосудия. На этой основе и становится возможным формирование нового политико-правового явления конституционной государственности — судебного конституционализма, исследованием природы которого и занимается НОЦ СК ЮФУ под руководством профессора Н. С. Бондаря.

УДК 34:378

Бондарь Н. С.,

© 2021

*зав. кафедрой муниципального права и природоохранного законодательства
Южного федерального университета,
главный научный сотрудник ИЗиСП при Правительстве РФ,
судья Конституционного Суда РФ (2000–2020 гг.),
руководитель НОЦ судебного конституционализма ЮФУ,
д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

УРОКИ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИЙ АКАДЕМИЧЕСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ДОНУ

История развития юридической науки и образования в России и отдельных ее регионах, в том числе в Ростовской области, несет на себе отпечаток сложного и противоречивого пути развития российской государственности, что, как известно, нередко сопровождается острыми дискуссиями, связанными как с отношением к отдельным историческим событиям, так и с оценкой некоторых этапов преобразований в стране, с поиском баланса между использованием в процессе реформирования зарубежного опыта и бережным отношением к национальным традициям. Особое значение это имеет для юридической науки и юридического образования, для которых особенно опасны космополитические иллюзии и забвение национальных традиций. О вызовах, стоящих перед отечественным высшим юридическим образованием на современном этапе, подробно рассказывает автор в своем научно-публицистическом эссе...

Ключевые слова: *юридическое образование; история юридического образования в Ростовской области; конституционные ценности; Болонский процесс.*

Хорошо известно, что большое видится на расстоянии. Тем не менее, нелегко говорить и писать о том, что вроде бы находится в далеком прошлом, относится к воспоминаниям, но в действительности составляет часть твоей жизни.

Именно такое внутреннее противоречие испытываешь, приступая к инвентаризации собственных мыслей по поводу *alma mater*, пытаясь перенести на бумагу сегодняшний портрет родного университета, подкрепленный «воспоминаниями о будущем». Это будет, безусловно, субъективный взгляд из прошлого в день сегодняшний, с попыткой заглянуть в неведомое, возможно, предназначенное уже не моему поколению, будущее...

Известно, что для человека всегда характерно идеализировать прошлое: хотя бы потому, что в те времена «и трава была зеленее, и деревья были выше», и мы были заметно моложе, полны жизненных планов и романтических представлений о безоблачном будущем.

Подобный психологический эффект наверняка связан и с воспоминаниями об alma mater. С годами поистине сакральное, таинственное значение приобретают те события и обстоятельства, которые повлияли на твой выбор профессии, на поступление именно в этот, ставший таким родным университет, а, стало быть, и на выбор жизненного пути.

Конечно, у каждого из нас есть свои обстоятельства, свои жизненные примеры конкретных людей, повлиявшие не только на выбор профессии, но — в буквальном смысле — и на судьбу. Но всех нас, нынешних и вчерашних студентов юридического факультета РГУ–ЮФУ, объединяет одно — *университет стал для нас общей Судьбой*.

Вполне оправданно, как представляется, сравнить университет и родной факультет с Храмом науки и образования, а всех причастных к этому Храму, — с «прихожанами» этого Храма. И это действительно так. Ведь *университет, как и молитвенное помещение*, — не просто здание; это особое место, впитавшее в себя энергию многих поколений преподавателей и студентов, идейный заряд звучавших под его сводами лекций «проповедников»-педагогов о праве и справедливости.

Наш Храм десятилетиями пропитывался духом юриспруденции, в основе которой всегда была (независимо от политического климата светской жизни) едва ли не божественная вера в Добро, в Справедливость, в торжество Права. И эта вера (пусть порой и несколько наивная) была, есть и, хочется надеяться, будет общей, единой, — как для тех, кто давно учился и преподавал (преподают) на юридическом факультете ЮФУ, так и для тех, кто недавно стал «прихожанином» (студентом) нашего общего Храма науки и образования.

В силу особенностей самой своей природы *как наука, так и образование являются, пожалуй, одними из наиболее консервативных форм общественного сознания*. Всегда ли мы учитывали это обстоятельство, особенно в последние два десятилетия, которые во многом были потрачены на погоню за космополитическими иллюзиями Болонского процесса и бесконечными рейтингами, индексами и иными заморскими, не всегда понятными и порой очень далекими от объективности «критериями» оценки качества отечественной науки и образования?

Между тем *непрерывность, последовательная преемственность — важнейшие условия и предпосылки успешного развития образования* вообще и юриспруденции, в частности. Непродуманные же преобразования, перманентные реформы, в том числе под лозунгом модернизационных инноваций, могут вступить (и, как свидетельствует опыт, нередко вступают) в противоречие с национально-историческими традициями в области образования, приводят к утрате достигнутого. Впору в этой связи вспомнить, что *не все новое является прогрессом*.

Так получилось, что для меня осознание этих истин происходило постепенно и, пожалуй, начиная с первых шагов вхождения в университетскую жизнь, а, стало быть, и в юриспруденцию... На всю жизнь я запомнил выступление легендарного (в этом нет никакого преувеличения!) ректора РГУ Юрия Андреевича

Жданова перед нами, первокурсниками. Надо знать интонацию, эмоциональную окраску речи этого выдающегося представителя университетской науки и образования как явления Культуры (в этом — ждановское понимание предназначения университета как цивилизационного носителя культуры), чтобы оценить простую мысль, которую он тогда высказал.

— Не особенно радуйтесь тому, что вы поступили в университет, — как-то загадочно улыбнувшись, сказал он, обращаясь к нам. — Дело в том, что университет не готовит никого конкретно, не готовит «узких» специалистов. Но, не готовя «никого конкретно», — продолжал Юрий Андреевич, — *университет готовит специалистов, которые нужны везде.*

Это и есть гениальная ждановская формула национального университетского, в том числе юридического, образования, которое по определению должно быть не узко-ремесленным, а фундаментальным. Этому пониманию я верен и сегодня, несмотря на все те реформаторские шараханья, которые, боюсь, могут привести (и это уже имеет место) к пересмотру философско-мировоззренческих основ национальной системы юридического образования, к примитивизации под предлогом усиления специализации, к утрате в будущем профессиональной мобильности юриста в угоду так называемой академической мобильности студента, к снижению уровня профессиональной подготовки — как по направлению бакалавриата, так и магистратуры (в соотношении со специалитетом).

Но это лишь попутно о наблевшем, имея в виду, что по-прежнему и сегодня я считаю себя сотрудником Ростовского государственного университета (и, стало быть, ЮФУ)...

Чем же я обязан своей alma mater? Если коротко — всем!

Имею в виду, конечно, прежде всего, профессиональную стезю (хотя не только ее). На разных этапах жизненного пути, в разных ситуациях мне не раз довелось испытать гордость за родной университет и глубину полученных в его стенах знаний. Вспоминаю, какое уважение к диплому РГУ проявляли самые разные персоны во время прохождения мною собеседований в связи с решением вопроса о рекомендации моей кандидатуры Президенту РФ для представления в Совет Федерации в качестве кандидата в судьи Конституционного Суда РФ.

В последующем, на протяжении двадцати лет (из всей сегодняшней тридцатилетней истории КС РФ), как судья КС РФ, я был причастен к решению важных, весьма сложных проблем российского конституционализма. Но в основе этой профессиональной деятельности и сегодня находится тот багаж, который я вынес из стен моей alma mater. Другое дело, что это, конечно, не просто сумма знаний (которые мы получали в этих аудиториях более сорока лет назад), а научная школа, «прививка» к учебе как постоянной естественной потребности (как, например, к питанию), мировоззренческие убеждения, Вера в Право и в Правду жизни, полученные здесь, в школе реального, а не мнимого, иллюзорного конституционализма.

Сегодня, входя в студенческую аудиторию (к сожалению, не часто), всегда рассчитываю, что не только поделюсь знаниями, но и позаимствую что-то, «подпитаюсь» студенческой молодостью, свежестью восприятия сегодняшней действительности новым поколением. Поэтому мои университетские уроки конституционализма — не только прошлое, но и настоящее и, хочется надеяться, будущее.

Какие эти уроки? Их, конечно, немало, но хотя бы на некоторых, возможно самых важных, сегодня я остановлюсь...

Не разучиться учиться!

Это, пожалуй, *первый и, думается, главный урок* моих университетов конституционализма. Это своего рода методологическая максима достижения профессионального успеха, которую важно усвоить каждому, начиная со студенческой скамьи: *в университете не учат, а обучают тому, как надо учиться*. Профессионал — как творческая личность (где бы он ни работал) — всегда должен оставаться пытливым учеником.

В этом же ряду есть еще одна сложная для восприятия (в силу внешней простоты) аксиома: *оставаться прилежным пытливым учеником сложнее, чем занять возделенную должность*, стать хозяином уютного кабинета.

Впрочем, и на этом нельзя ставить точку. Неизбежен еще один, очень важный, вопрос: *чему учиться?* В особенности, после получения университетского диплома... Ответ очевиден: всегда, всю жизнь следует постигать Правду Жизни, воспринимать свою юридическую профессию как искусство, которое посредством постоянной упорной учебы может быть доведено до совершенства высокого... ремесла (но ни в коем случае не «ремесленничества»!). С этим напрямую связан *второй урок* моих университетов конституционализма.

Юриспруденция не есть в чистом виде профессия

Точнее, это *больше, чем профессия*. Это некое духовное (душевное) состояние-призвание, имеющее глубоко личный и одновременно — гражданский (!) характер. Оно тяготеет в большей степени именно к искусству — искусству добра и справедливости. Апостол Павел писал, что нравственный человек, даже не читая законов, «естеством своим законное творит». К юристу это относится как ни к кому другому.

В этом плане взаимосвязь формально-юридического (позитивно-правового) и естественно-правового начал в юридической деятельности имеет принципиальное, решающее значение. Их сбалансированное сочетание применительно к отдельным отраслевым направлениям и профилям (цивилистическому, правоохранительному) достигается на основе развития базового, государственно-правового профиля, в рамках которого закладывается на основе ценностей конституционализма фундамент юридического мировоззрения. Нужно учитывать, что конституционализм как таковой представляет собой категорию не только политико-правовую, юридическую, но и национально-культурную, ценностную. В современных условиях усиливающегося и приобретающего глобальный характер ценностного кризиса современного конституционализма, включая столкновения и попытки придать доминирующее значение социально-правовым ценностям, сложившимся в отдельной, порой чуждой нам цивилизационной среде, данная проблематика приобретает особую актуальность¹.

¹ См. подробнее: Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М. Норма, 2015.

Конституционализм объективно не может существовать, развиваться вне связи с правовой и социальной культурой общества, функционирующей в национальной среде суверенной государственности.

Именно суверенная воля многонационального народа, получающая юридическое выражение в государственном суверенитете, есть основание для утверждения и реализации фундаментальных социальных ценностей как в правовой системе государства и национальной системе конституционной демократии, так и в системе международного права, которое составляет продукт межгосударственного общения, то есть, в конечном счете результат согласованной воли облеченных в государственную форму равноправных и суверенных народов. Особое значение это имеет применительно к России, где демократия, пусть даже длительное время существовавшая в неразвитых формах, всегда была, по словам Н. А. Бердяева, «одухотворена»¹. Это получило свое подтверждение, кстати, и в самом содержании поправок к Конституции РФ 2020 года.

Речь идет о том, что конституционализм при всех свойственных ему космополитических (наднациональных) началах, в сущностном проявлении служит выражением национальных государственных традиций, основой для непрерывного транслирования ценностей народа от поколения к поколению. Невозможно подходить без учета отечественных, а не заимствованных извне в виде неких политико-идеологических и формально-юридических инъекций *нравственных, национально-культурных представлений о власти, свободе, собственности как основополагающих явлениях социально-правовой действительности.*

Вероятно, именно духовные, социокультурные начала, имеющие сакральное происхождение и проникающие во все сферы человеческого бытия, ярко свидетельствуют о том, что одним из важных условий гармонизации отношений во всей системе конституционализма и поиска баланса ценностей власти, свободы, собственности являются морально-этические, духовно-культурные ориентиры, имеющие глубокую национальную базу и религиозно-мировоззренческое обоснование.

Почему так? Ответ на этот вопрос можно найти, усвоив следующий, *третий урок* конституционализма.

Сама юридическая деятельность — понятие нравственно-этическое

Сегодня, в условиях дефицита духовности, очевидного кризиса нравственных ценностей, этот принцип имеет особое значение. Между тем, я убежден: *состояние юридического образования — вопрос конституционной безопасности*, причем в одинаковой степени безопасности и общества, и государства, и каждой конкретной личности. Ведь конституционная безопасность и есть ни что иное, как состояние защищенности жизненных интересов личности, общества и государства на основе последовательного обеспечения верховенства права, баланса конституционных ценностей.

Вспоминаются в связи с этим удивительно по-современному звучащие мысли, высказанные в далеком 1881 году одним из выдающихся юристов дореволю-

¹ См.: Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 211.

ционной (царской) России Б. Н. Чичериным, которые он изложил в лаконичном «Посвящении русскому юношеству» — предисловии к одному из главных своих научных произведений «Собственность и государство». Врачевание страшного нравственного недуга, потрясшего русскую землю, является, по мысли Б. Н. Чичерина, тем главным, к чему должно готовить себя русское юношество, пожелавшее посвятить свою жизнь служению закону. Но излечить нравственную болезнь можно, только понявши, откуда она происходит, в чем кроется ее источник. В частности, «переменчивые направления общества, — по его словам, — не могут служить мерилom истины». «История учит нас, что нередко то, что вчера возвеличивалось до небес, сегодня отвергается с презрением, а завтра, может быть, опять получит власть над умами». В этих условиях, «чтобы отличить истину от лжи и прочное от преходящего, надобно в себе самом носить мерило истины».

Формирование этого «мерила истины» в каждом питомце и есть одна из главных нравственно-этических целей, которой призвана следовать *alma mater*.

Следующий урок весьма важен для осознания того, что образование как таковое — не только конечное состояние обучения (итоговый результат), но и собственно процесс — одна из высших не только публично значимых, но и личных ценностей.

Образование и наука, юриспруденция в целом — понятия эстетические

Речь идет о том, что и учиться, и заниматься практической юриспруденцией надо с удовольствием, получая эстетическое наслаждение.

В основе «красоты» юридической профессии как понятия эстетического лежит тот факт, что само по себе *право — воплощение свободы и равенства, а его реализация — искусство добра и справедливости*. У авиаконструкторов есть одна примета: некрасивый, т.е. не отвечающий требованиям эстетики инженерной мысли, самолет не полетит. Так и в науке: *если предлагаемая теория не красива, она, считается, не верна*. Красота в науке, образовании — в честности ученого и педагога, достоверности, объективности используемых аргументов и т. п.

Наука — не самоцель, а средство

Наконец, еще одна своего рода аксиома: ***наука и образование — не самоцель, а средство, инструмент познания мира*** для последующего его совершенствования, преобразования, включая преобразование правовой действительности (путем ее нормативного упорядочения, укрепления законности, гарантирования прав и свобод граждан и т. д.). Единство теории и практики — важнейший показатель профессионализма, что имеет как рациональное, так и иное, в том числе поэтическое обоснование (как то: устами Мефистофеля в «Фаусте» Гёте).

Все эти университетские уроки не имеют срока давности. Современному юристу, независимо от конкретного профессионально-должностного профиля, невозможно подходить без учета наших, отечественных, а не заимствованных извне *нравственных национально-культурных представлений о власти, соб-*

ственности, свободе как основополагающих явлениях социально-правовой действительности.

В этом же ряду находится и вопрос о конкретных механизмах и самой практике включения духовно-нравственных ценностей как в систему профессионального юридического мировоззрения, так и в сферу действующего законодательства и всего правопорядка. Это тем более важно, учитывая, что в современных условиях активного наступления на традиционные национальные ценности нравственность и мораль становятся объектом не только политических, идеологических, но и конституционно-правовых посягательств. В качестве неких «новых», прогрессивных, отвечающих ценностным ориентирам «креативных» групп и слоев современного общества (в отличие от традиционных нравственных ценностей, носителями которых являются якобы слабые и униженные, люмпенизированные слои общества) объявляются, например, «ценности» нетрадиционных сексуальных отношений, равноправия однополых браков и повышенная правовая защита (включая конституционную) сексуальных меньшинств, а не национальных или религиозных, культурно-языковых меньшинств. В таком же русле находятся и принимаемые в последнее время решения Европейского суда по правам человека, касающиеся ценностей традиционной семьи, защиты детства, материнства.

На уровне судебной власти и конституционного правосудия концентрированным выражением нравственно-этических начал является вопрос о том, *может ли быть признана конституционной норма, содержащая в своей основе начала несправедливости?* Не имея возможности подробно обосновать свою позицию, считаю возможным, тем не менее, сформулировать нравственно-этическую в своей основе, но имеющую, безусловно, конституционное значение максиму: *несправедливое решение не может быть конституционным.* Адресатом этой максимы должны быть все правоприменители, включая, естественно, судейский корпус, равно как и законодательная власть, а в конечном счете и все общество.

Объективности ради следует обратить внимание, что речь идет отнюдь не о повелительно-утвердительной формуле данной максимы; реалии правоприменительной практики таковы, что заложенное в ней требование долженствования не в полной мере обеспечено императивными началами. Достаточно отметить, что на конституционном уровне категория справедливости присутствует лишь в преамбуле Конституции РФ. Однако ее нормативные начала, обращенные, в том числе, в будущее, находят свое подтверждение и в сущностных, и в структурно-содержательных характеристиках данной категории (в ее сочетании правовых и нравственных начал), пронизывающей всю систему конституционализма. Подтверждением этого является, в частности, активное использование категории справедливости и в нормоконтрольной практике Конституционного Суда РФ: более 60% его решений напрямую используют категорию справедливости при оценке на конституционность проверяемых норм.

При этом именно в юридическом образовании находятся истоки формирования профессионального конституционного мировоззрения, от уровня развития которого зависит в конечном итоге состояние правовой культуры общества. И поэтому необходимо прежде всего с позиций конституционных требований

и широкого правопонимания подходить к решению вопроса о том, каким должен быть профессиональный портрет современного юриста.

Здесь важным является сам подход к вопросу о том, на какую модель профессионального юридического мировоззрения необходимо ориентироваться. Кого должны готовить юридические вузы: сотрудников правоохранительных органов, имеющих преимущественно карательно-правоохранительную профессиональную ориентацию, или специалистов правозащитного правоприменения (в сфере бизнеса, управления, социальной защиты граждан и т. п.)? На мой взгляд, вполне очевидно, по результатам осмысления советского опыта универсализации правоохранительной модели и постсоветской радикальной смены ориентиров в рыночно-цивилистическую, предпринимательскую сторону, что ни одна из этих моделей, поскольку ставит либо публичное, либо частное в положение ценностной доминанты, не может служить сегодня основой юридической профессионализации.

Выход из ситуации дисбаланса между частными и публичными ценностно-правовыми началами — переход к конституционной модели юриста и, соответственно, к формированию конституционного по своей природе профессионального мировоззрения юристов независимо от их специализации и места работы. Такая модель в главных своих характеристиках имеет конституционное обоснование: *в основе всех ее составляющих должны лежать конституционные ценности демократической правовой государственности России*, и именно такой подход позволяет преодолеть догматические крайности, связанные с односторонним узкоотраслевым пониманием формирования профессиональных качеств юриста. *Без конституционализации юридического образования невозможен переход к конституционному профессиональному мировоззрению.* Именно на базе конституционализации юридического образования возможно разрешить противоречие между универсализацией и специализацией юридического образования, шириной и глубиной профессионально-мировоззренческих качеств современного юриста.

Подобная образовательная практика имеет в своей основе прямые предписания Основного Закона о его верховенстве по отношению ко всем другим нормативным правовым актам безотносительно к их отраслевой принадлежности и прямом действии на всей территории РФ (ст. 15 Конституции РФ), ценности конституционного права как призванного и способного обеспечить формирование юридических основ всего общественно-государственного устройства во всех его жизненно важных проявлениях.

Что же касается сегодняшней практики развития высшей школы и юридического образования, то еще один лаконичный, но, как представляется, не второстепенный вопрос: нет ли оснований полагать, что в последние годы наметились и, кажется, все активнее проявляются процессы неконтролируемой, в чем-то как бы стихийной, но фактически имеющей очевидные федеральные импульсы всеобщей бюрократизации высшей школы, которые берут верх над традиционными принципами, духом университетской демократии? Но при всех сложностях и порой противоречивости некоторых современных тенденций развития высшей школы нет сомнений, что юридическое образование, в том числе в моей alma mater ждет светлое будущее, а каждое новое поколение ее студентов и преподавателей будет умнее и, что важно, счастливее (как в профессиональном, так и личном плане!) предыдущих.

Bondar N. S.

Doctor of Laws, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don

LESSONS OF CONSTITUTIONALISM
WITHIN THE CONTEXT OF ACADEMIC LAW EDUCATION TRADITIONS IN THE DON LAND

The history of evolution of law science and law education in Russia and its provinces, the Rostov Region included, bears the imprint of an elaborate and contradictory way of development of the Russian state system. This process is known to be often accompanied by violent disputes associated with both attitudes to particular historic events and assessment of some definite stages in the national reforms, with a search for a balance between the use of foreign experiences and, on the other hand, careful attitude towards national heritages. All this is of special significance for legal science and legal education which are especially vulnerable to cosmopolitan illusions and neglect of national heritages. In this scientific-journalistic essay the author gives a detailed account of the challenges faced by the present Russian higher legal education.

Key words: legal education; history of legal education in the Rostov Region; constitutional values; "Bologna process".

УДК 323.21

Ионова З. Н.,

*доцент кафедры теории и истории государства и права,
Санкт-Петербургская юридическая академия,
кандидат исторических наук, г. Санкт-Петербург, Россия*

ЦЕННОСТНАЯ ОСНОВА РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье рассматриваются проблемы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в условиях кризиса западных моделей цивилизационного развития, а также формирования новых принципов и правил мироустройства. Автор полагает, что в процессе обеспечения национальной безопасности произошло смещение акцента с военно-силовых и экономических аспектов национальной безопасности на гуманитарный. Тем самым, актуализируется потребность осознания взаимозависимости и взаимного влияния национальной безопасности и идеологической, ценностной основы общества.

Ключевые слова: *национальная безопасность; традиционные нравственно-духовные ценности; информационные и когнитивные технологии; ценностная основа общества.*

Всё ближе конец 2021 года, который для многих россиян старшего поколения вызывает ассоциации не только с новогодними праздниками, но и с очередной (юбилейной на этот раз) годовщиной распада СССР — события, значимость которого для истории человечества (вне зависимости от отношения к этому событию) трудно переоценить.

На протяжении тридцати лет во всех сферах жизни международного сообщества раскручивался маховик глобальных изменений, во многом предопределенный как раз гибелью Советского Союза, причем характер и вектор этих изменений предугадать было практически невозможно. Со временем стало очевидно, что однополярная модель мира, курс политических гегемонов на глобальную демократизацию, настойчиво пропагандируемые концепции устойчивого развития, утверждение в законодательстве многих государств (прежде всего государств, входивших ранее в социалистическую систему) примата международного права над национальным создали условия для возникновения нового международного правопорядка, как системы, исключающей доступ подавляющего большинства народов мира к цивилизационному развитию [7], в том числе и за счет нескончаемого нарушения норм международного права, использования квазиправовых понятий («страны-изгои», «диктаторские режимы» и т. д.), появления новых акторов в создании международного законодательства в виде глобальных корпораций и, в итоге, подмены международного права «правом сильного».

Все это свидетельствует о том, что начавшийся в конце XX века цивилизационный сдвиг ещё далеко не окончен; мир продолжает находиться в состоянии неустойчивого равновесия, когда одни игроки постепенно утрачивают свои лидерские позиции, а другие, напротив, утверждаются на мировой арене.

Рост авторитета Российской Федерации в мире вызвал негативную реакцию со стороны западных политических элит и, как следствие, актуализацию в их внешней политике концепции преэмптивной войны (войны против потенциальной угрозы).

Информационные и когнитивные технологии стали занимать все более значимое место в арсенале зарубежных спецслужб, получив при этом необходимое правовое обеспечение и научное обоснование. В нормативных документах, определяющих стратегическое развитие государств — членов НАТО (Стратегии национальной безопасности США (2017 г.) [14], промежуточной Стратегии национальной безопасности США 2021 года [13], Стратегии национальной безопасности Великобритании 2021 г. [11] и др.), Российская Федерация рассматривается как угроза национальной безопасности, как враждебное государство. При этом весьма важным фактором давления на Россию становится гуманитарный фактор. Так, в Стратегии национальной безопасности США 2017 года обосновывается необходимость вести против стран-конкурентов идеологическую борьбу посредством проведения систематических последовательных кампаний и использования «местных голосов», чтобы «придать им более мощное звучание» [14].

С начала XXI века резко возросла численность так называемых «мозговых центров» по разработке сценариев информационных и гибридных войн. Только в США, по состоянию на 2020 год, стратегией и тактикой разрушения государственности стран-соперников занимались 2203 подобных организаций [12].

В беседе с главным редактором журнала «Арсенал Отечества» В. Мураховским, советником Министра обороны РФ А. М. Ильницкий охарактеризовал действия зарубежных «партнеров» как новый тип войны — ментальную войну, целью которой является уничтожение не живой силы врага, а его самосознания, изменение ментальной (цивилизационной) основы общества противника [5].

Как полагает А. А. Дынкин, мировоззренческий аспект является центральным в становлении идентичности, и размывание ценностных ориентиров усиливает ситуативные, в том числе деструктивные групповые идентичности [6, с. 389]; тем самым создается угроза не только для социальной и культурной, но и для национальной безопасности в целом.

Таким образом, противостояние с Россией смещается в сторону информационно-медийного пространства, в котором систематически предпринимаются попытки разрушения нашей государственности посредством размывания традиционных ценностей, фальсификации истории, расшатывания нравственных основ мировоззрения российских граждан и в целом гражданского общества.

Необходимость осознания взаимозависимости национальной безопасности и идеологической основы, базовой системы ценностей общества отмечалась мыслителями неоднократно. Ещё в XVIII веке Екатерина II в ходе полемики о стратегии и тактике борьбы с объятой революционным порывом Францией замети-

ла, что пушками против идей не воюют (воевать с враждебной идеологией надо, противопоставляя ей другие, более сильные идеи и духовные ценности).

В 2009 году российский военный теоретик С. А. Тюшкевич, утверждая, что мировоззрение является духовным наставником не только отдельного человека, но и общества в целом, обосновал положение о важности защиты мировоззренческих основ последнего [9, с. 14]. В начале 2021 года А. С. Харланов отмечал, что современная доктрина национальной безопасности уже не должна ограничиваться лишь военной безопасностью, как это было двадцать лет назад, и отныне требуется обеспечивать соблюдение национальных интересов во всех сферах [10, с. 57].

Однако властные структуры РФ, рассматривая военно-силовую и экономическую сферы в качестве приоритетных направлений противостояния оппонентам, долгое время недооценивали гуманитарный аспект национальной безопасности, поэтому, в отличие от США, где в настоящее время уже выстроена и эффективно функционирует развитая сеть правительственных и неправительственных организаций (о чем упоминалось выше), занимающихся научным и методическим обеспечением политики национальной безопасности, в России разработку сценариев потенциальной информационной войны ведут лишь 143 «фабрики мысли» [3, с. 10].

До недавнего времени в нормативной правовой базе, регулирующей вопросы обеспечения национальной безопасности РФ, — а это более 27 нормативных правовых актов — не было ни одного, направленного на обеспечение государственной и общественной безопасности с точки зрения гуманитарной составляющей — защиту ценностной основы российского общества, национальной идентичности, национального самосознания и др. [4, с. 138].

Курс на корректировку доктрины национальной безопасности с учетом необходимости отстаивать и защищать традиционные духовно-нравственные ценности был явно обозначен в Послании Президента РФ Федеральному Собранию в 2021 году [8] и реализован при подготовке новой Стратегии национальной безопасности в первой половине текущего года.

Стратегия национальной безопасности (далее — СНБ), утвержденная президентским указом от 2 июля 2021 года [1], на наш взгляд, концептуально отличается от предыдущих аналогичных документов.

СНБ России в редакции 2021 года констатирует, что современный мир переживает период кризиса современных западных моделей и инструментов общественного развития. Среди основных негативных факторов, угрожающих человечеству, в документе названы: утрата традиционных духовно-нравственных ориентиров, разрушение базовых моральных и культурных норм, религиозных устоев, семейных ценностей и т. п. Отмечается, что продолжается процесс формирования новой архитектуры, правил и принципов мироустройства. В п. 23 Стратегии перечислены конкурентные преимущества России в данном процессе, в том числе привлекательность системы ценностей, принятой в нашей стране, что подчеркивает консервативно-традиционалистскую установку документа.

Если в Стратегии национальной безопасности России образца 2015 года вопросы сохранения духовно-нравственных основ российского гражданского общества затрагиваются лишь частично (в приоритете «Культура» [2]), то в СНБ-2021

в качестве отдельного приоритета указывается «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти».

Подпункт 7 п. 25 прямо закрепляет в качестве национального интереса укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России, а подпункт 8 п. 26 впервые называет стратегическим национальным приоритетом защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Более того, в тексте отмечено, что российские духовно-нравственные идеалы и культурно-исторические ценности являются фундаментом для дальнейшего развития страны.

Положительным моментом следует считать перечисление в п. 91 тех национальных ценностей, которые лежат в основе государственной политики обеспечения национальной безопасности в РФ, а именно — патриотизм, гражданственность, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, историческая память и др. На наш взгляд, в данном пункте нелишне было бы упомянуть также ценности традиционных религиозных конфессий и их роль в российской государственности.

В п. 93 СНБ в ряду приоритетных задач по укреплению гражданского единства, межнационального и межконфессионального согласия, защиты исторической правды обращено внимание, кроме того, на необходимость сохранения общероссийской гражданской идентичности, реализации государственной информационной политики, направленной на усиление в массовом сознании роли традиционных российских духовно-нравственных ценностей, противодействия навязыванию извне гражданам РФ деструктивных идей и моделей поведения и др.

Полагаем, что отражение в новой Стратегии ценностной основы российской государственности будет способствовать дальнейшей консолидации гражданского общества и решению проблем обеспечения безопасности нашей страны. Переосмысление же доктрины национальной безопасности на ценностной основе и внесение соответствующих корректив в документы стратегического планирования, безусловно, должно стать одним из важных направлений деятельности государства и научного сообщества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 03.07.2021. № 0001202107030001.
2. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 31.12.2015 г. № 0001201512310038 (утратил силу).
3. Алексеева Т. А., Назаров В. П., Афиногенов Д. А. Повышение научной обеспеченности политики в области национальной безопасности // Международные процессы. — 2020. — Т. 18. — № 1 (60). — С. 6–28.

4. Афиногенов Д. И., Алферов С. Ю. Проблематика защиты государственности Российской Федерации в контексте обеспечения национальной безопасности // Среднерусский вестник общественных наук. — 2021. — № 3. — С. 131–152.
5. Безопасность страны как фундамент развития // Арсенал отечества [Электронный ресурс]. — URL: <https://arsenal-otechestva.ru/article/1414-bezopasnost-strany-kak-fundament-razvitiya> (дата обращения: 10.09.2021).
6. Дынкин А. А. Социально-гуманитарное измерение ответов на большие вызовы // Вестник Российской академии наук. — 2019. — Т. 89. — № 4. — С. 384–415.
7. Кризис международного права. Некоторые мысли по постановке проблемы международного права [Электронный ресурс]. — URL: <https://ru-pravo.livejournal.com/1684394.html> (дата обращения: 04.06.2021).
8. Послание Президента Федеральному Собранию // Официальные сетевые ресурсы Президента России [Электронный ресурс]. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65418> (дата обращения: 10.09.2021).
9. Тюшкевич С. А. Безопасность в условиях мирового кризиса // Военно-философский вестник. — 2008. — № 2 (02). — С. 10–15.
10. Харланов А. С. Эволюция доктрин национальной безопасности России как базовое условие суверенизации и имперского возрождения // Инновации и инвестиции. — 2021. — № 4. — С. 56–58.
11. Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy 2021, P. 25 // House of Lords Library [Электронный ресурс]. — URL: <https://clck.ru/WhdRT> (дата обращения: 09.09.2021).
12. Global Go To Think Tank Index Report James G. McGann 2021. P.44 // Scholarly Commons [Электронный ресурс]. — URL: <https://clck.ru/U4GwM> (дата обращения: 09.09.2021).
13. Interim National Security Strategic Guidance 2021. P. 6–8 // Homeland Security Digital Library [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.hsdl.org/?abstract&did=852371> (дата обращения: 09.09.2021).
14. National Security Strategy of the United States of America 2017. — P. 2–25 // Homeland Security Digital Library [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.hsdl.org/?abstract&did=806478> (дата обращения: 09.09.2021).

Ionova Z. N.

*Associate Professor of the Department of Theory and History of State and law,
St. Petersburg Law Academy, Cand. Sc. History, St. Petersburg, Russia*

THE VALUE BASIS OF RUSSIAN STATEHOOD AND SECURITY PROBLEMS

The article deals with the problems of ensuring the national security of the Russian Federation in the context of the crisis of Western models of development and the formation of new principles and rules of the world order. The author believes that in the process of ensuring national security, there was a shift of emphasis from the military-power and economic aspects of security to the humanitarian one. Thus, there is an increasing need to understand the interdependence of national security from the ideological, value basis of society.

Key words: national security, traditional moral and spiritual values, information and cognitive technologies, the value basis of society.

УДК 342.591

Яковлев-Чернышев В. А.,

студент, Сочинский филиал

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России)», г. Сочи, Россия

© 2021

Научный руководитель: **Ратьков А. Н.,**

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Сочинский филиал

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России)», кандидат юридических наук,

доцент, г. Сочи, Россия

РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ В ПРАВИЛЬНОМ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОДСУДНОСТИ И ПОДСЛЕДСТВЕННОСТИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

В данной статье рассматриваются существующие подходы к определению понятий «подсудность» и «подследственность», оценивается роль Конституционного Суда РФ в разрешении спорных моментов по вопросам подследственности и подсудности. Приводятся аргументы в пользу того, что Конституционный Суд РФ оказал значительное влияние на данные институты уголовно-процессуального права.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ; подсудность; подследственность; конституционный процесс; уголовный процесс.

Годы идут, времена меняются, а актуальность вопросов подсудности и подследственности в уголовном процессе неизменна. Казалось бы, уже давно должны решиться в теории и практике данные проблемы, но они пока по-прежнему имеют место в деятельности судов и органов расследования. Не только уголовно-правовая доктрина и правоприменители пытаются разрешить данные вопросы, но и Конституционный Суд РФ (далее — КС РФ) также вынужден был обратиться к этим проблемам и в своих решениях определить правовые позиции, разрешающие спорные моменты в определении подсудности и подследственности.

Рассмотрим вначале, каким образом определяется понятие подсудности в юридической литературе. Можно выделить ряд точек зрения.

Так, М. С. Строгович полагал, что «подсудностью называется свойство дела, на основе которого определяется, какой суд компетентен рассматривать это дело» [1, с. 267]. По мнению П. А. Лупинской, «подсудность — это предписанная процессуальным законом совокупность признаков уголовного дела, по которым определяется, какой из судов будет правомочен принять данное дело к рассмотрению в качестве суда первой инстанции, рассмотреть и разрешить его» [2].

В свою очередь, О.Б. Порцева считает, что «подсудность представляет собой совокупность признаков уголовного дела, определяющих его принадлежность к ведению конкретного суда для рассмотрения дела по первой инстанции» [3, с. 8]. Стоит отметить и то, что автор подчеркивает: хоть термины «подсудность», «юрисдикция» и «компетенция» «являются родственными... понятиями..., их недопустимо использовать в качестве синонимов» [3, с. 7].

К определению понятия подсудность в литературе также есть разные подходы.

Например, И.С. Дикарев считает, что «подследственность — это отнесенность уголовного дела или материала проверки сообщения о преступлении к компетенции конкретного органа предварительного расследования» [4].

С точки зрения Л.В. Головки и О.Л. Васильева, «подследственностью принято называть свойство уголовного дела, в соответствии с которым оно относится к компетенции того или иного органа расследования» [5].

В.П. Божьев понимает под подсудностью «совокупность установленных законом признаков уголовного дела, в зависимости от которых законодатель относит его к компетенции того или иного органа предварительного расследования» [6, с. 263].

Несмотря на то, что до сих пор нет единообразного понимания, что же такое подсудность, это не мешает улавливать суть данного понятия. Однако относительно одного из видов подсудности, а именно: территориальной — возникает множество вопросов. Не случайно данная проблематика «дошла» до КС РФ, который в своем Постановлении от 09.11.2018 № 39-П [7] рассмотрел жалобу ряда граждан по вопросам, связанным с изменением территориальной подсудности.

КС РФ отметил в данном Постановлении следующие правовые позиции:

— изменение территориальной подсудности может иметь место в случае, если лицо, в отношении которого должны проходить судебные споры, занимал какое-либо высокое положение, которое могло бы подорвать доверие к объективности и беспристрастности решения суда;

— решение о передаче уголовного дела в суд иной территориальной юрисдикции (в том числе в суд, юрисдикция которого распространяется на территорию другого субъекта Российской Федерации) должно приниматься по обращению Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителя на высшем уровне судебной системы Российской Федерации — Верховным Судом Российской Федерации.

При определении суда, в который необходимо передать уголовное дело для рассмотрения, должны соблюдаться гарантии справедливости и состязательности (включая учет мнения сторон о наличии каких-либо препятствий к передаче дела в определенный суд) и обеспечиваться принцип доступности правосудия.

Надо признать, что не все судьи КС РФ согласились с рекомендациями данного Постановления. Так, например, в своем особом мнении С.М. Казанцев счел позиции КС РФ расплывчатыми и расширительными, так как оспариваемые положения «могут быть истолкованы *contra legem* (вопреки их буквальному смыслу) как позволяющие правоприменительным органам в отдельных случаях расширять исчерпывающий перечень оснований для изменения подсудности. И несмо-

тря на то, что правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации сформулированы достаточно неопределенно, они все же позволяют сделать вывод, что по ходатайству заместителя Генерального прокурора дело, отнесенное законом к подсудности судов общей юрисдикции одного субъекта Российской Федерации, может быть передано по решению судьи Верховного Суда РФ на рассмотрение в суд другого субъекта Российской Федерации. При этом не ясно, какими критериями руководствуются органы прокуратуры и суд при определении объективной беспристрастности суда, а также в какой суд и какого субъекта Российской Федерации должно быть передано дело».

Особое мнение Ю. М. Данилова отличалось еще более высокой эмоциональностью. Главным замечанием было то, что «экстраординарных» обстоятельств нигде в Уголовно-процессуальном кодексе (далее — УПК РФ) нет, ввиду чего КС РФ, с точки зрения Ю. М. Данилова, вышел за пределы своей компетенции и начал заниматься оценением буквального смысла «несуществующей нормы». Также этим судьей КС РФ было раскритикована позиция по поводу Генпрокурора и судьи Верховного Суда, о чем писал и С. М. Казанцев. Вместе с тем Ю. М. Даниловым отмечено относительно выделенной им проблемы, что «попытка решить ее в узких рамках конкретного нормоконтроля вряд ли может привести к желаемому результату: она многогранна, требует комплексного подхода...».

На наш взгляд, вполне вероятно, что КС РФ еще придется вернуться к данному вопросу и сформировать новые позиции. Ведь до сих пор остаются неразрешенными спорные вопросы, связанные, например, с подсудностью «уголовных дел о преступлениях, место совершения которых не определено (совершение преступления в транспортном средстве во время его движения между населенными пунктами или субъектами РФ, например)» [8, с. 106] или с определением места совершения преступления, когда оно совершается с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [9].

Переходя, в свою очередь, к подследственности, нужно отметить важное Постановление КС РФ от 20.07.2012 № 20-П [10], в котором заявительницей оспаривались положения ч. 1 ст. 125 и ч. 1 ст. 152 УПК РФ из-за того, что, по ее мнению, данные нормы «позволяют произвольно устанавливать территориальную подсудность дел..., допуская определение в качестве места производства предварительного расследования не только место совершения преступления, но и место принятия следователем обжалуемого процессуального решения либо местонахождение следственного органа, осуществляющего это предварительное расследование».

В решении по результатам рассмотрения этой жалобы, в частности, КС РФ указал, что:

— неоднозначность подхода к определению территориальной подсудности жалоб на решения и действия (бездействие) должностных лиц межрайонных следственных отделов при производстве предварительного расследования, которая позволяет устанавливать подсудность конкретной жалобы исходя из места производства предварительного расследования, понимаемого как место расположения осуществляющего его органа (которое, в свою очередь, зависит от обстоятельств организационного, материально-технического или иного подобного характера), создает предпосылки для нарушения конституционного принципа равенства при

реализации права на доступ к правосудию и судебную защиту в отношении граждан, обжалующих решения и действия (бездействие) должностных лиц межрайонного следственного отдела, юрисдикция которого распространяется на территорию, где совершено преступление, но место расположения которого находится за пределами административного района, где совершено преступление;

— прямое увязывание подсудности жалоб на решения и действия (бездействие) осуществляющих производство предварительного расследования должностных лиц межрайонных следственных отделов с местом их расположения ... создает нормативные предпосылки для умаления прерогатив законодательной власти по определению подсудности рассмотрения дел и прерогатив власти судебной по осуществлению правосудия, реализации ею функции судебной защиты и тем самым — для нарушения требования статьи 10 Конституции Российской Федерации о самостоятельности органов каждой из ветвей государственной власти в реализации своих функций и полномочий.

Часть 1 ст. 125 и ч. 1 ст. 152 УПК РФ были признаны не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой они «порождают возможность их неоднозначного истолкования и, следовательно, произвольного применения при определении территориальной подсудности жалоб на решения и действия (бездействие) должностных лиц...».

На самом деле немало вопросов вызывает в данном случае ч. 8 ст. 152 УПК РФ, в которой прописано, что «споры о подсудности уголовного дела разрешает прокурор». Причем в ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [11] говорится о том, что прокуратура осуществляет в том числе «надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие». Следовательно, данные коллизии с подсудностью и местом рассмотрения жалобы разрешать должен именно он, но ввиду нечеткости законодательных установлений возникает неопределенность в действиях.

Таким образом, в уголовно-процессуальном законодательстве остается немало требующих разрешения проблем, всплывающих изо дня в день. Однако, в том числе и благодаря позициям КС РФ, можно с уверенностью говорить о том, что многие антиномии будут преодолены. Ведь не случайно Н. С. Бондарь неоднократно отмечал, что «Конституционный Суд — больше, чем суд» [12, с. 12] и то, что КС РФ является «квазиправотворческим органом» [13, с. 75].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 2.
2. Уголовно-процессуальное право / отв. ред. П. А. Лупинская. 3-е изд., пер. и доп. М.: Норма. 2013. 1008 с.
3. Порцева О. Б. Подсудность уголовных дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004.
4. Дикарев И. С. Подследственность в уголовном процессе: вопросы теории и законодательной регламентации // Журнал российского права. — 2020. — № 4. — С. 113–125.

5. Курс уголовного процесса / под ред. д. ю. н., проф. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут. 2017. 653 с.
6. Уголовный процесс: учебник / под ред. В. П. Божьева. М., 1998.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.11.2018 № 39-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 1, частей первой, третьей и четвертой статьи 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. В. Лушников, А. С. Пушкарева и И. С. Пушкарева» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Пупышева Л. А. Феномен подсудности в российском уголовном процессе: проблемы теории и законодательного регулирования // Философия права. — 2021. — № 1 (96). — С. 100–108.
9. Степанова М. А., Царёв Е. В. Проблемы определения места совершения хищения денежных средств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. — 2021. — № 1. — С. 12–16.
10. Постановление КС РФ от 20.07.2012 № 20-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 125 и части первой статьи 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Р. Г. Мишиной» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Бондарь Н. С. Место конституционного правосудия в системе разделения властей // Социология и право. — 2011. — № 11. — С. 5–12.
13. Бондарь Н. С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда как источников права // Журнал российского права. — 2007. — № 4. — С. 75–85.

Yakovlev-Chernyshev V. A.,

*student, Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

Academic Supervisor: Rat'kov A. N., Associate Professor of the Department of Criminal Disciplines,
Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Cand. Sc. Law, Associate Professor, Sochi, Russia

THE ROLE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN APPROPRIATE DETERMINATION OF JURISDICTION AND INVESTIGATIVE AUTHORITY.

The given article focuses on existing approaches to the definition of concepts «jurisdiction» and «investigative authority». The role of the Constitutional Court of the Russian Federation in removing causes for disagreement regarding jurisdiction and investigative authority is evaluated. Arguments in favor of the fact the Constitutional Court of the Russian Federation had a significant effect on institutions of criminal procedural law are adduced.

Key words: the Constitutional Court of the Russian Federation, jurisdiction, investigative authority, constitutional process, criminal procedure.

УДК 343.13

Пуцин А. И.,

*студент, Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия*

© 2021

Научный руководитель: Поляков А. В.,

*Санкт-Петербургский государственный университет,
доктор юридических наук, профессор, г. Санкт-Петербург, Россия*

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОММУНИКАТИВНОЙ ТЕОРИИ ПРАВА

Права человека являются фундаментальной, но неоднозначной юридической категорией. Актуальность темы обусловлена тем, что в современной науке не только не дано точного определения прав человека, но даже нет согласия во мнениях о природе данного института, что приводит не только к теоретическим дискуссиям, но и к практическим затруднениям в деятельности юристов.

Анализ состояния исследуемого вопроса приводит к неутешительным выводам. Несмотря на подробную теоретическую разработку института прав человека, классические правовые подходы (а именно они доминируют в современной российской доктрине), абсолютизируя отдельные элементы целостного явления права, оказываются неспособны раскрыть истинную природу данного понятия. Так, сторонники правового этатизма, признавая исключительно государственно-организованное право, рассматривают права человека как октроированные, «неотъемлемые сущностно и содержательно от государства»¹, необоснованно отрицая их ценностную составляющую. Представители социологической школы связывают существование прав человека с принадлежностью лица к определенной группе², но при этом несправедливо нивелируют воздействие субъективного элемента (личности) на правовую действительность.

Наиболее распространенным в российской юридической науке и практике является естественно-правовой подход, который выводит существование прав человека из природы («от рождения»)³ или неизменных правил морали и «практи-

¹ Шевцов В. С. Права человека и государство в Российской Федерации. М., 2002. С. 30.

² См. например: Мамут Л. С. Декларация прав человека и гражданина 1789 г. — веха на пути к универсальной концепции прав человека // Права человека в истории человечества и в современном мире. М., 1989. С. 30.

³ См. например: Рассказов Л. П., Упоров И. В. Естественные права человека. СПб., 2001. С. 6–26.

ческой разумности»¹. Идеи юснатурализма отражены и в Конституции РФ (ч. 2 ст. 17): «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (курсив мой — А. П.)»². Данная теория, несмотря на популярность, является объектом дискуссий, поскольку базируется на недоказуемых предположениях о природе человека³.

Таким образом, ни один из классических типов правопонимания не способен в полной мере объяснить природу прав человека. По этой причине представляется необходимым обратить внимание на современные подходы к праву, наиболее перспективным из которых, по нашему мнению, является коммуникативная теория А. В. Полякова. Основой данной теории выступает понятие коммуникации — intersубъективного (межчеловеческого) социально-направленного нормативного взаимодействия. Это, по замечанию ученого, позволяет коммуникативному подходу охватить наиболее широкий спектр урегулированных правом актов человеческого общения⁴. При этом под «правом» понимается именно сфера реального действия права — правовая коммуникация, вне которой любая норма не будет иметь значения (и даже не будет нормой)⁵.

Автор данного исследования ставит перед собой задачу доказать коммуникативную природу прав человека. Поскольку существование общества и даже самого человека (как личности) невозможно представить без общения с другими, фундаментальным правом человека следует считать право на коммуникацию («право быть человеком как субъектом межчеловеческих отношений»)⁶, которое (как и все иные права и обязанности, необходимые людям для нормального взаимодействия) обеспечивается взаимным признанием субъектами друг друга достойными и равными участниками коммуникации (коммуникативными личностями)⁷. Иные основные права человека как бы выводят

¹ См. подробнее: Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М., 2012. С. 283.

² <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=A5A1B9B3F9210DF4F4B24C7283A9F3A6&SORTTYPE=0&BASENODE=1&ts=12826220300663602461432006&base=LAW&n=2875&rnd=91D6EDF6F80A16A86AE90D48FE112FEE#20pmerlanw0>.

³ В. В. Попов при попытке разрешить указанную проблему с помощью методов формальной логики делает вывод, что утверждения о наличии у человека прав (категории «должного») не могут быть выведены из утверждений об объективной действительности («сущего»), т. е. непосредственно не связаны с «природными» (фактическими) свойствами человека. (См. подробнее: Попов В. В. Проблемы теории прав человека: информационная природа прав человека // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2014. — №1. — С. 14–20).

⁴ См.: Поляков А. В. Нормативность правовой коммуникации // Известия высших учебных заведений. — Правоведение. — 2011. — №5. — С. 27–28.

⁵ См.: Там же. С. 36.

⁶ Поляков А. В. Антрополого-коммуникативное обоснование прав человека (тезисы доклада) // Права человека: вопросы истории и теории. Материалы межвузовской научно-теоретической конференции 24 апреля 2004 года / под ред. Д. И. Луковской. СПб., 2004. С. 32.

⁷ См.: Поляков А. В. Признание права и принцип формального равенства // Известия высших учебных заведений. — Правоведение. — 2015. — №6. — С. 63–68.

ся из права на коммуникацию и, с формальной точки зрения, принадлежат к категории субъективных прав¹, но в то же время выделяются, поскольку представляют собой специфический социальный институт². Социальный институт можно определить как систему легитимированных в обществе правил, поддерживаемых и воспроизводимых самими участниками социального взаимодействия (коммуникации) и воспринимаемых ими в качестве «объективно» существующих³. Трудно спорить с тем, что права человека выступают именно таким явлением, поскольку в общественном сознании (по крайней мере, на современном этапе) их существование видится перманентным и даже «естественным».

Итак, поскольку природа права «антропологична и коммуникативна»⁴, у прав человека можно выделить три основания: упомянутые выше формальное (юридическое: в качестве простых субъективных прав) и социально-институциональное, а также морально-нравственное. Выделение последнего активно критикуется различными учеными. Так, Д. И. Луковская утверждала, что, несмотря на сходство их ценностных основ, нет причин смешивать идею прав человека с моральными императивами⁵, а сторонники либертарной теории стремятся доказать, что права человека — это самостоятельный юридический институт, который вовсе не связан с морально-этическими категориями⁶. Однако с точки зрения коммуникативного подхода, права человека находятся в тесной взаимосвязи с моральными нормами. Причина заключается в том, что процесс реализации правовой нормы складывается не только из ее интеллектуального осмысления субъектом и последующей практической деятельности, но и из ценностной легитимации (признания ее соответствия ценностям и моральным установкам человека и общества)⁷.

Таким образом, права человека — это явление, которое (как и само право)⁸ может возникнуть и существовать только в процессе коммуникации. Коммуникативная природа данного института предполагает наличие у него трех оснований: формального (юридического), социально-институционального и морально-нравственного. Именно это многообразие и обуславливает особую роль прав человека как вытекающих из фундаментального права

¹ См.: Поляков А. В. Верховенство права, глобализация и проблемы модернизации философии и теории права // Известия высших учебных заведений. — Правоведение. — 2013. — №4. — С. 26.

² См.: Там же. С. 24–25.

³ См.: Там же. С. 25.

⁴ Поляков А. В. Возможно ли возрождение идеи естественного права в России? // Известия высших учебных заведений. — Правоведение. — 2015. — №5. — С. 14.

⁵ См.: Луковская Д. И. Понятие прав человека: многообразие подходов. Проблема универсальности прав человека // История государства и права. — 2007. — №12. — С. 35.

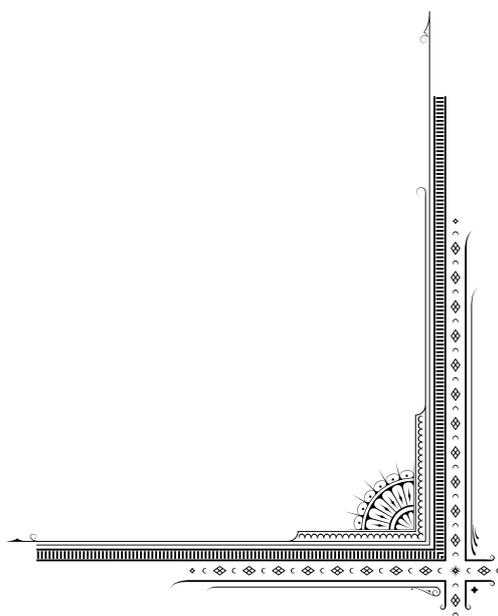
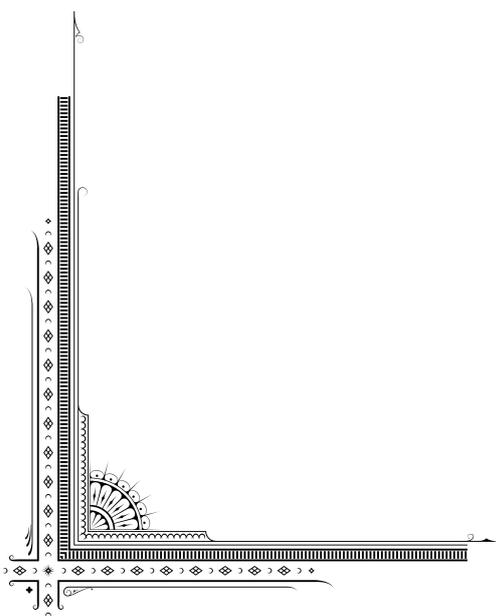
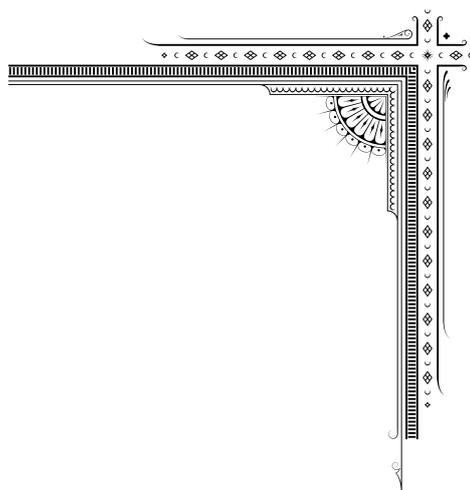
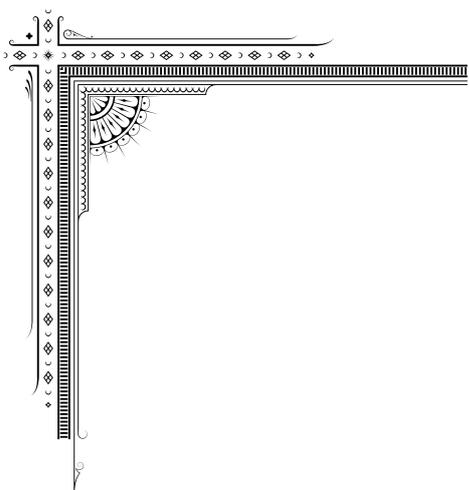
⁶ См. например: Четвернин В. А. Современная либертарно-юридическая теория // Ежегодник либертарно-юридической теории. 2007. Вып. 1. С. 5–8.

⁷ См. подробнее: Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права: учебник. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2017. С. 107 и далее.

⁸ См.: Поляков А. В. Признание права и принцип формального равенства. С. 60.

на коммуникацию основных правомерных и легитимных притязаний субъекта, обеспеченных соответствующими обязанностями других субъектов и необходимых для нормального общения и взаимодействия между ними (т. е. для коммуникации). По нашему мнению, представленный коммуникативный подход в перспективе позволяет примирить и наиболее полным образом совместить соперничающие взгляды на сущность прав человека, а потому нуждается в дальнейшей разработке.

УДК 340.1

Фролов В. В.,
магистрант,

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНОГО ПОНИМАНИЯ

Юридическая ответственность рассматривается в данной статье с позиций ее тесной взаимосвязи с категорией социальной ответственности. В статье представлены различные подходы к пониманию природы юридической ответственности, включая рассмотрение юридической ответственности как диалектического единства ее позитивной и негативной сторон. Автор подробно раскрывает значение юридической ответственности как регулятора общественных отношений, указывая, что важнейшим элементом ее социальной основы является свобода воли индивида.

Ключевые слова: юридическая ответственность; социальная ответственность; гражданское общество; правовое государство.

Описание природы юридической ответственности, — пожалуй, одна из наиболее дискуссионных тем в правоведении. Особое звучание она получила в последние годы, а после принятия в 2020 году пакета поправок к Конституции РФ тема эта стала еще более популярной у отечественных исследователей общей теории права. Причина кроется в актуализации проблематики, связанной с комплексом взаимоотношений государства и общества в контексте меняющейся социально-экономической обстановки как в России, так и в мире.

Понятие ответственности (долга, осознанной обязанности) интересует нас прежде всего в плане его социальной первоосновы.

Социальная ответственность в зависимости от конкретной стороны жизни общества, в рамках которой рассматривается эта категория, может принимать различные формы — моральной, политической, общественно-уставной или юридической ответственности. Юридическая ответственность, в свою очередь, соответственно сфере реализации, также проявляется через ряд видов — административно-правовую, гражданско-правовую, уголовно-правовую, дисциплинарную.

В процессе исследования социального начала в категории юридической ответственности отечественными учеными и философами было сформулировано множество вариантов определения этого понятия. Это стало возможным благодаря тому, что юридическая ответственность, хотя и включает в себя набор типичных свойств ответственности *социальной* (как родового понятия), в ходе истори-

ческого развития выработала и множество собственных специфических характеристик. К признакам юридической ответственности причисляют следующие:

- государственное обеспечение, характеризующееся рациональным сочетанием убеждения, принуждения и поощрения;
- ее существование в определенной процессуальной форме;
- наличие конкретных правовых последствий — поощрения или порицания с использованием санкций;
- наличие формального основания (норма права) и фактического (факт правонарушения или правомерного поведения).
- реализацию от имени или с санкции государства.

Рассмотреть эволюцию понимания социальных аспектов юридической ответственности на разных этапах развития научной мысли, с учетом современного состояния понятийного аппарата, мы и намерены в данной работе.

Самым популярным (если не сказать классическим) определением в юридической литературе можно считать то, которое характеризует юридическую ответственность как способ государственного принуждения (воздействия), как реакцию государства на совершенное правонарушение. Но и в этом случае возможны разные ракурсы видения. Так, одни воспринимают юридическую ответственность как меру государственного принуждения на основе общественного и правового осуждения действий, которая реализуется через наступление определенных негативных последствий для правонарушителя (личного или имущественного характера) [1]. Другие считают, что юридическая ответственность — это особое отношение между государством (в лице его уполномоченных органов) и правонарушителем, предусмотренное и регламентируемое правовыми нормами [2, с. 45]. Третьи видят в юридической ответственности обязанность соблюдать и исполнять закрепленные нормами права требования. Причем эта обязанность может быть реализована как в правомерном поведении индивидов (поощряемом обществом и государством) — в так называемом *позитивном* ключе, так и в виде обязанности правонарушителя претерпеть наказание на совершенный проступок (ограничение личного, правового или материального порядка) — реализация юридической ответственности в *негативном* ключе [3, с. 14].

Один из корифеев права эпохи новой России — соавтор действующей Конституции РФ С. С. Алексеев — был убежден, что юридическая ответственность выражает государственно-властный императив права, «... не перекрываясь другими правовыми явлениями (правосознанием, законностью), касается главным образом последствий за неправомерное, безответственное, с точки зрения закона, поведение» [4, с. 198–199]. То есть, юридическая ответственность обособилась в связи с потребностью закрепить применение наказания по отношению к правонарушителю; наказания, выражающего общественное осуждение и имеющего целью воздействовать на ценностные установки правонарушителя. Главным в концепции юридической ответственности здесь выступает не сама карательная мера, а, как пишет С. С. Алексеев, «обязанность претерпевания правонарушителем известных лишений, выражающих наступивший для него правовой урон».

Иной акцент мы замечаем в позиции В. Я. Любашица, который полностью сосредоточивает внимание на динамическом измерении юридической ответственности. В данном случае во главу угла ставится сам процесс государственного воздействия, реализация санкции за нарушение правовой нормы.

На наш взгляд, некоторая односторонность, присущая указанным позициям (доводы каждой из которых вполне рациональны и понятны), заключается в абстрагировании от учета фундамента юридической ответственности — понятия социальной ответственности как таковой.

В общем случае социальную ответственность характеризуют:

- требования, которые группа (общество) предъявляет к индивиду соответственно его роли в социальной системе;
- осмысление индивидом смысла требований общества и возможных последствий при выборе той или иной модели поведения;
- реализация требований общества через практическую деятельность;
- оценка обществом характера действий личности в плане их соответствия интересам этого общества.

Очевидно, что реализация юридической ответственности — важнейшая сфера взаимодействия государства и гражданского общества. Именно юридическая ответственность гарантирует законность и правопорядок, обеспечивает реализацию и защиту прав и свобод человека и гражданина.

Основной закон России гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства» (ст. 2 Конституции РФ). Права человека и гражданина — непосредственно действующие (ст. 18 Конституции РФ), и лишь они лежат в основе деятельности всех ветвей власти. При этом права и свободы одного индивида не должны препятствовать реализации прав и свобод сограждан (ст. 17 Конституции РФ). Иными словами, ответственное поведение каждого члена общества является необходимым условием свободы. Таким образом, именно на *понятии свободы, свободного выбора, свободы воли личности* следует основывать определение ответственности — социальной, а вслед за ней и юридической. Но свобода личности вовсе не подразумевает полной независимости от общества. Действительно, «... жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» [5, с. 104].

В этом смысле качество социальной ответственности, ее состояние, всегда соответствуют степени развития общественных отношений. Общественные отношения формируются под воздействием конкретных исторических условий. На основании предыдущего накопленного опыта общество вырабатывает свод ограничений и требований, ориентированных на субъектов правоотношений (членов общества), закрепляя эти ограничения в социальных нормах. Нормативность, следовательно, — залог общественного порядка.

Самые ранние формы социальных норм имели вид простых запретов, за нарушение которых была предусмотрена ответственность (*нормы обычного права*). С появлением сословий и классов, развитием верований оформилась система специфических социальных норм — *религиозных, моральных и этических*, а также *политических норм и норм права*. Ответственность, которая возникает как осо-

знание субъектом общественных отношений обязательности соблюдения правовых норм, и, собственно, сам факт негативных последствий в случае неисполнения этих норм, имеют чисто юридическую природу.

В целом, комплекс «нормативность — ответственность — общественный порядок» можно считать квинтэссенцией теории юридической ответственности.

И это понимали уже тысячелетия назад. Демокрит, Гераклит и Сократ учили, что способный мыслить человек при необходимости выбора действия совершает его ответственно (то есть, осознанно). Для последователей Платона ответственность подразумевала под собой соблюдение законов в целях удовлетворения потребностей всех членов общины (диалог «Государство»). Аристотель считал, что люди наделены правом выбора, в то время как боги не вмешиваются в их жизнь, а лишь наблюдают. Ответственному поведению у Аристотеля соответствует исполнение нравственного долга (похожая позиция была, кстати, и у Иммануила Канта). У стоиков ответственность выражалась в триумфе разумного начала над телесным. В христианской же традиции сила и общеобязательность закона опирались на двух китов — божественные установления и авторитет государства. Томас Гоббс, характеризуя объединение людей на основе общественного договора в единое государство, указывал на общую ответственность сограждан за действия своих властей. Известный своим крайним либерализмом Джон Милль ответственностью называл наказание гражданина за проступки. И только мыслители Новейшего времени заявили, что отдельная личность вправе не только подчиняться социуму, но и требовать от него! С этого момента ответственность индивида стала пониматься как социально активное поведение, имеющее целью совершенствование отношений внутри социума.

В рамках формата постиндустриального общества ответственность уже не сводится только лишь к соблюдению установлений, но предполагает также самореализацию человека и его свободу, пусть и ограниченную некими установлениями. Таким образом, социальная компонента природы юридической ответственности отражает взаимосвязь общества (или его группы) и индивидов в условиях существующих норм поведения.

Некоторые ученые видят эту взаимосвязь гораздо шире — как «средство предупреждения негативных явлений общественной жизни с позиции ее понимания как целостного правового явления, включающего позитивный и негативный аспекты реализации» [6].

То же деление переносится и на юридическую ответственность как «эманацию» социальной ответственности. В этом случае диалектическую категорию *позитивной* ответственности связывают с дисциплинированностью, добросовестностью, долженствованием, а диалектическую категорию *негативной* ответственности определяют как наказание за правонарушение, обязательство претерпеть последствия противоправного действия — то есть, как внешнюю по отношению к индивиду реакцию общества на нарушение социальных норм. Такое диалектическое двуединство, по мнению А. В. Малько, Д. А. Липинского и Р. С. Маркунина является следствием противоречивого характера проявления ответственности.

Интересно, что позитивное понимание юридической ответственности, как осознания своего потенциального влияния на общество, окружающий мир в на-

стоящем и будущем, широко применялось в советской правоустанавливающей практике. Об этом говорят ст. 3, 130 и 152 Конституции СССР, Преамбула Закона СССР о статусе народных депутатов в СССР, закрепление в ст. 4 и ст. 59 советской Конституции обязанности должностных лиц и граждан соблюдать Конституцию СССР и советские законы и др.

Тенденция эта обозначилась в нашей стране в период «хрущовской оттепели» и была связана с явным влиянием материалистической философии. В позитивистском ключе об ответственности писали Ю. Т. Базылев и Н. В. Витрук, Т. Д. Зражевская и В. Н. Кудрявцев, Н. И. Матузов и В. А. Рыбаков, Е. В. Черных и Б. С. Эбзеев и др. В наши дни такой позитивизм явственно проступает в новой концепции социально ориентированного государства, транслируемого недавними поправками в Конституцию РФ.

Актуализация позитивной стороны юридической ответственности за рубежом также является очевидной тенденцией и осуществляется сегодня главным образом в направлении воспитания сопричастности человека состоянию экосферы, широкому распространению моды на «зеленую» энергетику, а также технологии, ориентированные на сохранение человеческой популяции.

Сторонники выделения позитивного начала в рамках юридической ответственности приводят аргументы а пользу того, что основа профилактики правонарушений — это, в том числе, развитие в каждом индивиде чувства долга и осознания необходимости поступать в соответствии с закрепленными в праве общепринятыми установлениями.

Справедливости ради отметим, что многие правоведы выделение позитивной ответственности считают не вполне оправданным с юридической точки зрения. При этом оппонентами приводятся следующие соображения:

— зафиксировать позитивную юридическую ответственность (соблюдение запретов и законопослушное поведение) как факт действительности невозможно;

— не всегда правомерность действий может быть одобрена и поддержана государством;

— методом казуистических рассуждений можно прийти к выводу, что лицо, которое правонарушения не совершило, все же несет правовую (пусть и позитивную) ответственность;

— фактически позитивная юридическая ответственность не относится к сфере правового регулирования;

— позитивная ответственность во многом выступает аналогом таких понятий, как «законность», «правомерное поведение» и пр.;

— категорию позитивной ответственности следует отнести скорее к сфере философии и социологии, чем к юриспруденции и т. п.

С философских позиций очевидно — абсолютно правомерное, законоуважительное поведение полностью укладывается в концепцию идеального правового государства, соответствующего высокоорганизованному гражданскому обществу. С позиций социальной психологии, действительно, формированию здорового гражданского общества и его демократических институтов противоречит насаждение страха перед наказанием. Но... достижение такого идеала предполагает

эволюционный переход каждого члена общества от внешнего соблюдения правил и норм к внутреннему выстраиванию личных ценностных ориентиров, выработке определенных моделей поведения и деятельности. Последнее же неизбежно связано необходимостью осознанного выбора индивидом оптимальной поведенческой модели, что подразумевает свободу воли как предпосылку социальной основы ответственности и успешной социализации индивида. В конечном счете, социализация должна находить свое выражение в становлении ответственности как черты характера личности, которая позволит индивиду полностью отдавать себе отчет в реализации прав и обязанностей, а также осознавать последствия своих действий в прошлом, настоящем и будущем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 314–318.
2. Хропанюк В. Н. Теория государства и права: Учебное пособие для вузов/под ред. В. Г. Стрекозова. М., 2000.
3. Липинский Д. А. Проблемы юридической ответственности. СПб., 2004.
4. Алексеев С. С. Общая теория права, М., 2008.
5. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во политической лит-ры, 1979. Т. 12.
6. Малько А. В., Липинский Д. А., Маркунин Р. С. Юридическая ответственность как средство предупреждения правонарушений: актуальные проблемы // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2020. — № 4. — С. 4–24.
7. Завьялова Г. И. Становление категории ответственности и свободы в античной философии // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2013. — № 1. — С. 27–31.
8. Сигалов К. Е., Чувальникова А. С. Позитивная ответственность в праве: поиск концептуальных оснований построения конструктивной модели государственно-частного партнерства // Юрист. — 2016. — № 22. — С. 41–46.

Frolov V. V.,
student of the master's program, Kuban State University, Krasnodar, Russia

SOCIAL ASPECTS OF LEGAL RESPONSIBILITY: EVOLUTION OF SCIENTIFIC UNDERSTANDING

Legal responsibility is viewed in this article with regard to its strong correlation with the category of social responsibility. The article proposes various approaches to understanding the nature of legal responsibility including a scrutiny of legal responsibility as a dialectical unity of its positive and negative sides. The author thoroughly discloses the significance of legal responsibility as a social relation controller and points out that the key element of its social foundation is the freedom of will of each individual.

Key words: legal responsibility; social responsibility; civic society; law-governed state.

УДК 343.13

Жаноква З. А.,

магистрант 2 курса,

Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России), г. Сочи, Россия

ПОНЯТИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Автор отмечает актуальность выбранной темы, обусловленную сложностью социально-юридического явления коррупции и высоким уровнем коррумпированности Российского государства. Выявляются деятельностный, функциональный, сущностный подходы к структуре и понятию «антикоррупционная политика государства». Автор указывает на ряд стадий в осуществлении антикоррупционной государственной политики, которая осуществляется на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Ключевые слова: правовая политика; антикоррупционная политика; субъект; объект; уровни антикоррупционной государственной политики.

Под правовой политикой государства отечественные исследователи понимают такое направление его деятельности, которое предусматривает использование широкого спектра правовых средств, включающих в себя политический, административный и иные ресурсы государства.

Российская Федерация традиционно относится к государствам с высоким уровнем коррумпированности и социально-политической неустойчивости [4, с. 167], отсюда наиболее актуальным видом правовой политики, от реализации которого зависит эффективная модернизация России в дальнейшем, является антикоррупционная правовая политика [10, с. 24].

Понятие «антикоррупционная политика» в российской юридической науке не имеет однозначно принятого все ученым сообществом определения. Большинство исследователей придерживаются *деятельностного подхода*, трактуя антикоррупционную политику, чаще всего, как деятельность институтов государства и гражданского общества, направленную на противодействие коррупции [3, с. 189; 12, с. 71; 14, с. 140]. Приверженцы данного подхода весьма тщательно исследуют субъектный состав антикоррупционной политики, причем Е. В. Богатова и Е. В. Стебенева уточняют, что субъектами политики выступают органы власти *всех уровней*, в том числе и органы муниципального управления. Достоинством деятельностного подхода является включение ряда принципов (научная обоснованность, системность, последовательность и др.) в дефиницию «антикоррупционная политика».

Другой подход к исследуемой категории можно назвать *функциональным* [8, с. 14–15]. Например, В. П. Копачев рассматривает антикоррупционную поли-

тику как функцию по осуществлению государством разносторонних мер с целью устранения (минимизации) причин и условий для появления коррупции. Полагаем, что приведенное выше определение не вполне рационально, поскольку сужает круг субъектов, противостоящих коррупции (только государство), и некорректно указывает цель политики — устранение коррупции, то есть, ее искоренение.

Коррупция — это историческое, социально-юридическое явление, бытующее во все сферах общественной жизни, изжить которое полностью не представляется возможным, поскольку оно гибко приспосабливается к каждой конкретной ситуации, порождая все новые и новые способы и разновидности. Речь может идти не об искоренении коррупции, а лишь о противодействии ей, профилактике и сокращении ее негативного влияния [3, с. 71]. Кроме того, антикоррупционная политика преследует и другие важные цели, среди которых — защита прав и свобод юридических и физических лиц, укрепление правопорядка и законности, повышение уровня правового воспитания и правовой культуры [5, с. 18].

Представителем третьего — *сущностного* — подхода выступает В. В. Астахин, для которого антикоррупционная политика является совокупностью различных мер, предпринимаемых государством в целях противодействия коррупции. Однако исследователь также не включает в изучаемую категорию субъекты политики, что заметно сужает сферу применения понятие [2, с. 12].

Для того чтобы определить природу исследуемого нами явления, представляется важным выявить сущностные признаки антикоррупционной политики.

Прежде всего, антикоррупционная политика — *одно из направлений правовой политики* государства, целью которого являются сокращение негативного влияния от проявлений коррупции, а также всестороннее противодействие и профилактика коррупции в целях соблюдения и защиты прав и свобод юридических и физических лиц, укрепления правопорядка и законности.

Задачами антикоррупционной политики могут выступать разработка антикоррупционного законодательства и практическая реализация комплекса мер по нейтрализации негативного влияния коррупции, причин и условий для ее распространения; выявление лиц, допускающих или склонных к совершению коррупционных правонарушений, предупреждение (пресечение) их коррупционного поведения, формирование в обществе атмосферы нетерпимости к злоупотреблениям служебным положением [3, с. 71].

Далее, антикоррупционная политика, в отличие от антикоррупционных программ, — это *функция* государства по реализации мер организационного, экономического, правового, информационного и кадрового характера по противодействию коррупции. Антикоррупционная политика выступает как *система мер*, в которой воплощается движущая сила искусства управления [2, с. 12]. Важным принципом данной политики является антикоррупционный институционализм, предполагающий реализацию антикоррупционной функции государства посредством создания специализированных антикоррупционных ведомств [8, с. 14–15].

Антикоррупционная политика отличается длительностью воздействия, то есть, имеет долгосрочный характер, хотя, безусловно, методы и способы противодействия коррупции должны постоянно корректироваться с учетом антикоррупционного мониторинга.

В отличие от антикоррупционных программ, антикоррупционная политика затрагивает реформирование всех сфер общественной жизни, включает в борьбу с коррупцией всех потенциальных субъектов (органы государственной и муниципальной власти, институты гражданского общества, граждан). Кроме того, антикоррупционная политика осуществляется на всех уровнях — международном, национальном, межрегиональном, региональном и локальном.

Профессор П. А. Кабанов справедливо отметил, что в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» среди принципов антикоррупционной политики не закреплен принцип научности, который представляется нам необходимым для обеспечения эффективности деятельности субъектов антикоррупционной политики. Применение принципа научности, как одного из важных принципов формирования и реализации политических целей и задач, требует от субъекта политики соответствующего уровня мировоззрения, социально-правового мышления, осознания господствующего положения научной мысли в законотворческой и правоохранительной практике противодействия коррупции [6, с. 64]. Однако мы наблюдаем отсутствие монографических или глубоких диссертационных исследований по вопросам стратегического планирования антикоррупционной деятельности, что отрицательно сказывается на качестве антикоррупционных программ и мероприятий [7, с. 54].

Дискуссионный характер имеет вопрос о структуре антикоррупционной политики. В. Н. Лопатин выделяет в ней следующие элементы:

- формирование понятия, целей, принципов;
- деятельность государства и гражданского общества по охране прав и свобод человека и гражданина;
- установление приоритетных направлений и мер предупреждения коррупции, а также определение субъектов реализации антикоррупционной политики;
- определение компетенций органов власти в формировании и реализации антикоррупционной политики;
- определение и реализация антикоррупционных начал в правотворческой и правоприменительной деятельности;
- формирование правосознания социума в соответствии с антикоррупционными стандартами [9, с. 25].

На наш взгляд, перечисленные выше положения следует именовать не *элементами* структуры антикоррупционной политики, а ее *направлениями*. В структуру мы предлагаем включить: субъекты, объекты воздействия, механизм противостояния коррупции, представляющий собой систему (в которую входят нормативная правовая база; специализированные органы; комплекс разнообразных мер по разработке, реализации, контролю за реализацией задач антикоррупционной политики, мониторингу и прогнозированию).

Объектом воздействия выступает само явление коррупции и порождаемые ею негативные последствия, а также граждане, допускающие или склонные к совершению коррупционных правонарушений.

Субъектами противодействия коррупции выступают созданные в органах государственной власти и органах местного самоуправления специализирован-

ные структуры (подразделения, службы), осуществляющие координирующие деятельность по противодействию коррупции в рамках отдельных направлений деятельности или отдельных властных учреждений.

Для реализации государственной антикоррупционной политики уполномоченными органами государственной власти и органами местного самоуправления разрабатываются соответствующие правовые акты (указы, распоряжения, приказы и т. д.). По поручению Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации подготавливаются проекты указов, постановлений, распоряжений и поручений, значительное число вопросов в области противодействия коррупции регулируется актами федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, представители которых входят в состав соответствующего органа по координации деятельности в области противодействия коррупции. При получении данных о совершении коррупционных правонарушений орган по координации деятельности в области противодействия коррупции осуществляет их передачу в государственные учреждения, уполномоченные проводить проверку таких данных и принимать по итогам проверки решения в установленном законом порядке.

Субъектами противодействия коррупции в Российской Федерации являются также негосударственные общественные организации. Среди них необходимо выделить неправительственную международную организацию «Transparency International» (отделение в России — «Транспаренси Интернешенел — Россия»), негосударственное некоммерческое общественное объединение «Индем» и др., которые изучают проблемы коррупции в России и мире, проводят исследование общественного мнения, осуществляют мониторинг состояния преступности в указанной сфере, анализируют, обобщают и распространяют положительный опыт борьбы с рассматриваемой проблемой. Международный опыт борьбы с коррупцией свидетельствует об огромной роли в противодействии ей деятельности независимых средств массовой информации.

Одним из субъектов противодействия коррупции являются граждане России, которые непосредственно участвуют в социальном контроле за деятельностью государственных органов и их должностных лиц. Также субъектами противодействия коррупции выступают представительства различных конфессий; частного бизнеса, негосударственные общественные, благотворительные фонды, организации, деятельность которых не связана напрямую с противодействием коррупции, но так или иначе может влиять на факторы, способствующие коррупции.

Борьбе с коррупцией уделяется значительное внимание и международными межправительственными организациями. Наличие коррупции существенно снижает эффективность реализации многих социально-экономических программ, отрицательно влияет на уровень жизни населения, как на международном, так и на национальном уровнях. Исходя из этого Организация Объединенных Наций, Совет Европы, иные международные организации осуществляют борьбу с коррупцией на международном уровне [3, с. 71].

Элементы структуры, предложенные В. Н. Лопатиным, В. В. Потомский называет стадиями антикоррупционной политики. На наш взгляд, стадиями антикоррупционной политики являются:

- разработка антикоррупционной концепции;
- аналитическая оценка и прогнозирование криминологической ситуации;
- программирование и планирование комплекса антикоррупционных мер;
- антикоррупционные мероприятия;
- антикоррупционный мониторинг.

Антикоррупционная политика осуществляется на различных уровнях, Д. А. Аветисян и М. П. Петров выделяют федеральный, региональный и муниципальный уровни [1, с. 12; 11, с. 33]. Причем, М. П. Петров указывает, что антикоррупционная политика регионального уровня (а мы полагаем, что и муниципального) должна быть интегрирована в федеральный, иначе она не будет эффективной [11, с. 33].

Основу региональной антикоррупционной политики составляют антикоррупционное законодательство и региональные программы. В научной литературе отмечаются основные негативные черты региональной антикоррупционной политики: декларативность и неполнота в части построения эффективной системы мер и функций государственных органов, с помощью которых обеспечивались бы все три направления антикоррупционной политики: долговременная профилактика, предупреждение и пресечение правонарушений (правоохранительная деятельность).

Муниципальная антикоррупционная политика представляет собой деятельность уполномоченных на то органов, должностных лиц, общественных и иных организаций, направленную на разработку и реализацию антикоррупционных мер на территории муниципального образования [11, с. 25].

Разработка и реализация региональных и муниципальных программ является одной из наиболее распространенных мер предупреждения коррупционных правонарушений наряду с такими, как антикоррупционная экспертиза, антикоррупционный мониторинг, опубликование отчетов о реализации мер антикоррупционной политики и др.

Таким образом, антикоррупционная политика представляет собой одно из направлений правовой политики государства на федеральном, региональном, муниципальном уровнях по осуществлению системы мер организационного, экономического, правового, информационного и кадрового характера противодействия коррупции, субъектами реализации которых выступают также граждане и институты гражданского общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аветисян Д. А. Основы антикоррупционной политики современной России/Аветисян Д. А. [Электронный ресурс] // URL: <https://phsreda.com> (дата обращения: 12.10.2020).
2. Астанин В. В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты: автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 2009. — 38 с.
3. Богатова Е. В., Стебенева Е. В. Антикоррупционная политика в современной России // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2019. — № 1. — С. 70–73.
4. Власенко М. А. Особенности антикоррупционной политики современной России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2015. — № 3 (44). — С. 167–173.

5. Гридякин Д. А. Противодействие коррупции в органах государственной власти в современной России: политологический аспект: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Краснодар, 2010. — 27 с.
6. Иванова А. А. Программирование противодействия коррупции (региональный аспект) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2012. — № 20. — С. 64–68.
7. Кабанов П. А. Региональные антикоррупционные программы как организационно-правовые средства противодействия коррупции // Актуальные проблемы экономики и права. — 2011. — № 4 (20), октябрь-декабрь. — С. 54–60.
8. Копачев В. П. Антикоррупционная политика в современной России: субъекты, стратегии, механизмы: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Астрахань, 2013. — 27 с.
9. Лопатин В. Н. О системном подходе в антикоррупционной политике // Государство и право. — 2001. — № 7. — С. 23–36.
10. Лягин К. А. Правовая политика и ее основные направления / К. А. Лягин, Р. Ф. Степаненко // Общество, государство, личность: модернизация системы взаимоотношений в России в условиях глобализации. Материалы XV Межвузовской научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых (с межд. участием) / под ред. Ф. Г. Мухаметзяновой, Р. Ф. Степаненко. — 2015. — С. 23–27.
11. Петров М. П. Актуальные направления региональной антикоррупционной политики // Уголовно-политические, уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с современной преступностью и коррупцией / Сборник научных трудов под ред. д. ю. н., проф. Н. А. Лопашенко. Саратов: Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции: ООО «Сателлит», 2009. С. 30–34.
12. Потомский В. В. Концептуальные основы антикоррупционной политики государства // Среднерусский вестник общественных наук. — 2016. — № 6. — С. 187–196.
13. Селезнёв Ю. А. Региональные антикоррупционные программы субъектов Центрального федерального округа: факторы формирования и совершенствования: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Орел, 2010. — 23 с.
14. Терещенко И. А. Коррупция как фактор угрозы национальной безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук. М., 2010. — 230 с.

Zhanokova Z. A.,

student of the master's program, Sochi branch of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia

THE CONCEPT OF THE ANTI-CORRUPTION POLICY OF THE STATE IN THE DOMESTIC LEGAL SCIENCE

The author notes the relevance of the chosen topic due to the complexity of the socio-legal phenomenon of corruption and the high level of corruption of the Russian state. The activity, functional, and essential approaches to the concept and structure of “anti-corruption policy of the state” are identified. The author points out a number of stages in the implementation of anti-corruption state policy, which is carried out at the federal, regional and municipal levels.

Key words: legal policy; anti-corruption policy; subject; object; levels of anti-corruption state policy.

УДК 34.037

Ерёменко В. П.,
студент, Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста), Россия, г. Сочи

© 2021

Научный руководитель: **Ионова З. Н.,**
доцент кафедры теории и истории государства и права,
Санкт-Петербургская юридическая академия, кандидат исторических наук,
г. Санкт-Петербург, Россия

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ В РОССИИ

В данной статье рассматривается генезис службы судебных приставов в России. Проводится сравнение функционала этого учреждения на различных этапах отечественной истории. Автор рассматривает особенности регламентации деятельности судебных приставов в контексте ряда исторически значимых с точки зрения юриспруденции документов — сводов законов и сборников правовых норм — Русской Правды, Псковской судной грамоты, Судебника 1497 г., Соборного уложения 1649 г. и др. Автор предлагает свое видение эволюции института судебных приставов в России X–XXI вв., с учетом исторического развития правового статуса и регламента деятельности его должностных лиц.

Ключевые слова: Федеральная служба судебных приставов; Псковская судная грамота; позовник; судебный пристав; Русская Правда; Соборное уложение 1649 г.

С точки зрения права судебное решение является общеобязательным к исполнению на территории государства правоприменительным актом. Правосудие можно считать свершившимся только тогда, когда приговор суда будет исполнен. Однако для исполнения приговора не всегда бывает достаточно одного лишь решения суда, особенно, когда оно подразумевает определенные действия со стороны самого виновного, который иногда может и уклониться от выполнения постановления суда.

В целях исполнения судебного решения в разные периоды истории в России создавались специальные структуры, учреждались особые должности. В современной России эту задачу решает Федеральная служба судебных приставов (ФССП).

ФССП РФ — единственный орган исполнительной власти в России, который наделен правами осуществлять принудительное исполнение судебного решения [1]. Поскольку на службу судебных приставов возложена обязанность испол-

нения судебных актов, то ее совершенствование следует считать одной из важных задач обеспечения эффективности правовой системы нашей страны в целом.

Целью настоящей статьи является сравнительный анализ функций и правового статуса судебных приставов на разных этапах исторического развития этой службы в России.

Зарождение отечественной службы судебных приставов относится к X веку. В то время исполнение долговых обязательств осуществляли дружинники княжеской дружины. Дружина представляла собой и войско князя, и в то же время своеобразный военно-политический совет. Основной функцией дружинников было взимание ежегодных налогов и сборов с подконтрольных князю территорий. На тот момент на Руси не существовало юридически оформленного порядка взимания налогов. Права и обязанности дружинников также не были регламентированы. Дружинники действовали по своему разумению, и ответственности за свои действия не несли. Одновременно с централизацией власти постепенно формировалась система органов управления, появилась потребность в судебной системе и соответствующих структурах. Со временем сложилась четкая иерархия в распределении обязанностей в рамках судопроизводства и исполнения судебных решений. Должностные лица, имеющие отношение к судопроизводству, были наделены конкретными полномочиями. Роль исполнителей судебного постановления выполняли поначалу «отроки», «мечники» и «детские».

Одно из основных отличий новых исполнителей судебных решений заключалось в том, что они действовали строго в соответствии с судебным постановлением. Теперь они не могли производить действия, основанные на собственном усмотрении, меры они предпринимали только в рамках компетенции, обозначенной судебным решением [3]. В Русской Правде (XI в.) не упоминалось наказание за нарушение «исполнителем» правовых норм, из чего можно сделать вывод, что «служилые люди» обладали минимальным количеством прав, направленных на исполнение судебных действий, но при этом не несли ответственности за свои действия.

Первое законодательное закрепление должностных функций исполнителей судебных решений, появление понятия «судебный пристав», а также установление первичной регламентации действий появились в Псковской судной грамоте (далее — ПСГ). В частности, ПСГ вводит в обиход такую должность, как *позовник* (упоминается в ст. 20 и 25 ПСГ) [2], к обязанностям которого относился вызов обвиняемого в суд по специальной повестке.

В ПСГ также регламентировалась должность *подверника* (упоминается в ст. 58 и 59 ПСГ) [2], к компетенции которого относилось обеспечение правопорядка в зале судебного заседания. Еще одной отличительной чертой стало то, что приставы отныне получили новые полномочия — например, они могли теперь выезжать на выемку поличного (ст. 98 ПСГ) [2].

Таким образом, можно сказать, что появление прообраза института судебных приставов связано непосредственно с принятием Псковской судной грамоты, поскольку именно этот документ описывал статус и основные функции должностных лиц, которые в наши дни соответствуют компетенции судебных приставов.

Есть основания также говорить об определенном упорядочении деятельности исполнительных судебных органов, хотя ответственность за нарушение этого регламента в ПСГ и не упоминалась.

Второй этап истории службы приставов начинается спустя сто лет после принятия ПСГ. В конце XV века на территории Московской Руси вводится в действие Судебник Ивана III (1497 г.), знаменующий собой рождение единого Русского государства. Новый свод законов содержал в себе все основные черты сферы деятельности судебных приставов. И вновь на основании Судебника у приставов появились новые функции.

Так, если, согласно ПСГ, человека вызывали «на суд» с помощью специальной повестки, и в принципе он мог не явиться, то с принятием Судебника такая возможность исключалась, — теперь пристав при необходимости силой доставлял обвиняемого (ст. 36 Судебника).

Судебником также вводился институт судебных пошлин, ответственность за сбор и своевременность уплаты которых ложилась также на приставов (ст. 28) [5]. Немаловажно и то, что приставы получили право допрашивать и даже... пытаться обвиняемых (ст. 34)! [5]. Основным отличием по сравнению с предыдущим периодом стало наличие первых законодательно закрепленных (пусть и минимальных) запретов. Так, например, в ст. 33 говорится о том, что приставы не должны брать или давать взятки [5]. Ответственность за это была предусмотрена в Судебнике в виде лишения свободы.

В соответствии с Соборным уложением 1649 года принцип работы и круг полномочий приставов практически не изменился, но появилось очень важное нововведение, которое сохраняется и в современной практике работы приставов, — продажа движимого и недвижимого имущества должника или вычет средств из его жалования (гл. 10, ст. 82) [4].

Начало имперского периода в истории России (XVIII в.) ознаменовало собой ряд преобразований, весьма негативно повлиявших на дальнейшее развитие службы судебных приставов. Так, после появления новой структуры — полиции (1718 г.) — обязанности судебных приставов решили возложить на нее. Только спустя почти полтора столетия несовершенство сложившейся системы правосудия и правоприменения стало настолько очевидным, что это потребовало проведения масштабной реформы, в том числе и в судебной сфере.

В эпоху масштабных преобразований Александра II (речь идет, в том числе, о судебной реформе 1864 года) один из уставов восстановил институт судебных приставов. Однако в сравнении с прошлым периодом, функции приставов были урезаны до минимума: обеспечение явки обвиняемого в суд, исполнение судебных постановлений, поддержка порядка на судебных заседаниях (кстати, эти положения закреплены законодательно, как неотъемлемая часть полномочий службы судебных приставов, и в наши дни).

Несмотря на то, что спектр функций у судебного пристава во второй половине XIX века сократился, количество обязанностей у него, наоборот, выросло. Особенно ужесточились требования к кандидатам на должность приставов [6]. К примеру, не могли занимать эту должность иностранцы; граждане, не достигшие возраста 21 года, имеющие судимость. Большое внимание уделялось

морально-нравственному облику пристава, который прояснялся в ходе личной беседы с кандидатом на эту должность. Кроме того, вводилось требование обязательной подготовительной службы в течение года, только после прохождения которой гражданин становился полноправным должностным лицом.

Нововведения в области правового регулирования деятельности приставов включали в себя также более суровые меры за злоупотребление полномочиями. Скажем, за коррупционное деяние налагался штраф в размере шестимесячной заработной платы (ст. 411–412 Уложения 1845 г.) либо следовало лишение свободы (ст. 362) [6].

Подводя итог сравнительному анализу функций и правового статуса судебных приставов на разных этапах исторического развития Российского государства, следует сделать акцент на нескольких важных моментах.

Во-первых, начало формирования правового института судебных приставов относится к X веку. Во-вторых, объем функций приставов возрастал вплоть до принятия Соборного уложения 1649 года, после чего полномочия этой категории «людей государевых» стали сокращаться. Подобная тенденция была вызвана формированием новых специализированных государственных органов, воспринявших часть функционала службы судебных приставов, оставляя последним только те, которые были непосредственно связаны с судебной деятельностью. В-третьих, законодательное оформление правового статуса судебных приставов начинается лишь в XIV веке с принятием Псковской судной грамоты. Первоначально деятельность приставов не ограничивалась какими-либо установлениями. До XVII века они не несли ответственность за свои действия (за исключением фактов взяточничества), в том числе и в случае нарушения судебной процедуры. В-четвертых, более четкое закрепление прав, обязанностей, ответственности за нарушение правовых норм и окончательное утверждение института судебных приставов было обусловлено судебной реформой 1864 года и произошло в октябре 1865 года. С этого момента судебные приставы заняли свое почетное место в системе государственной службы, и дата 19 октября 1865 года (по старому стилю) или 1 ноября (по новому стилю) стала отправной точкой для возрождения института судебных приставов и придания ему основных прав и обязанностей, которыми это государственное учреждение обладает и в нынешнее время.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Историческая справка и правовые основы деятельности // Официальный сайт ФССП РФ. — URL: <https://fssp.gov.ru/history> (дата обращения: 28.02.2021).
2. Псковская судная грамота // Исторические записки. — Т. 6. — М., 1940//URL: http://www.vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Russ/XV/1480-1500/Pskovc_sud_gr/text.htm (дата обращения: 28.02.2021).
3. «Русская правда» // Хронос // URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1000dok/pravda72.php> (дата обращения: 28.02.2021).
4. Соборное уложение 1649 года. — Гл. 10. — С. 107 // URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/10.htm> (дата обращения: 28.02.2021).

5. Судебник 1497 года // Памятники русского права. М., 1955. — URL: <http://his95.narod.ru/1497.htm> (дата обращения: 28.02.2021).
6. Судебные уставы 20 ноября 1864 года // Президентская библиотека. — URL: <https://www.prlib.ru/item/372590> (дата обращения: 28.02.2021).
7. Уложение о наказаниях 1845 года. Т. 15/изд. 1885 года // URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ulogenie_o_nakazaniyah_ugolovnih_i_ispravitelnih_1845_goda.pdf (дата обращения: 28.02.2021).

Eremenko V. P.,

*student, Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

EVOLUTION OF THE BAILIFFS' INSTITUTION IN RUSSIA

This article scrutinizes the genesis of the court bailiffs service in Russia. Functionalities of this institution at various stages of the history of Russia are compared. The author examines the peculiarities of regulation of the bailiffs' activities within the context of a number of historically significant, from the legal standpoint, digests of laws and collections of law principles: Russkaia Pravda, the Court Chart of Pskov, the Law Code of 1497, the Council Code of 1649 and more. The author proposes his own view on the evolution of the bailiffs' institution in Russia in the 10th — 21st centuries with due consideration to the historical development of the legal status and procedures and guidance of its officers.

Key words: Federal Bailiff Service; the Court Chart of Pskov; pozovnik; bailiff; Russkaia Pravda; the Council Code of 1649.

Приглашаем авторов к участию в научно-издательском проекте

В рамках проведения заочной научной конференции «КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ПРАВОСУДИЯ»

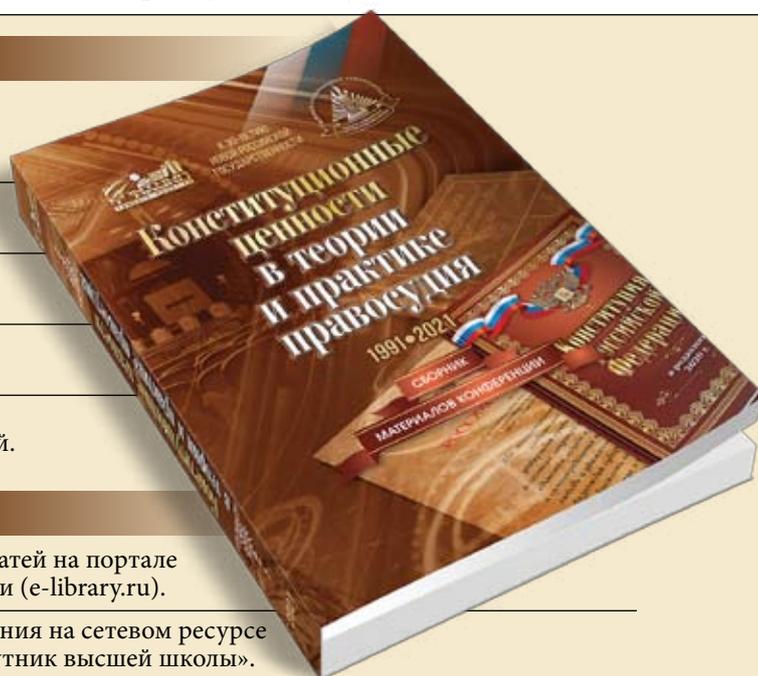
(9–10 декабря 2021 г.)

готовится к изданию сборник материалов конференции

Сборник приурочен к 30-летию образования Конституционного Суда Российской Федерации (1991–2021), а также к годовщине основания Научно-образовательного центра судебного конституционализма ЮФУ под руководством профессора Н.С. Бондаря (судьи КС РФ 2000–2020 гг.)

РАЗДЕЛЫ ИЗДАНИЯ:

- Конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия.
- Российская модель федерализма: в поисках баланса центра и регионов.
- Конституционная модернизация: стратегия и тактика.
- Правовой прогресс и глобализация: кризис или окно возможностей.
- Право и экономика: юридикализация экономических отношений.

ПРЕФЕРЕНЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ:

- Размещение полнотекстовых версий статей на портале Национальной электронной библиотеки (e-library.ru).
- Размещение электронной версии издания на сетевом ресурсе межвузовского научного журнала «Спутник высшей школы».
- Распространение печатной версии издания по реестру журнала «Спутник высшей школы», включая Российскую книжную палату (филиал ИТАР-ТАСС).
- Выдача сертификата об участии в заочной научной конференции.

УСЛОВИЯ РАЗМЕЩЕНИЯ ПУБЛИКАЦИЙ:

- Объем статьи — до 20 тыс. знаков (с пробелами). Шрифт — Times NewRoman. Размер шрифта — 14 п. Поля — 2 см по периметру страницы. Подробнее — см.: <https://sputnik-nauki@yandex.ru>.
- **Платность участия:**
 - статьи, сопровождаемые независимой рецензией и/или рекомендацией организации, курирующей научное исследование, размещаются на бесплатной основе;
 - статьи, направляемые авторами в личном инициативном порядке, оплачиваются: **500 руб. за 1 (один) авторский материал;**
 - стоимость печатной версии сборника составляет: **350 руб. за 1 (один) экземпляр + стоимость пересылки до места получения.**

По всем вопросам обращайтесь на e-mail: sputnik-nauki@yandex.ru
или на редакционный whats-up: +7 (952) 587-13-49

<https://csk-sfedu.ru/>

<https://urfak.sfedu.ru/>

22 октября 2021 года

на базе Научно-образовательного центра судебного конституционализма
Южного федерального университета,
при поддержке ИЗИСП при Правительстве РФ,
Издательской группы «Юрист» и журнала «Судья»

П Р О В О Д И Т С Я

II ФОРУМ СУДЕБНОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Место проведения: Южный федеральный университет

В П Р О Г Р А М М Е Ф О Р У М А :

Панельная дискуссия на тему «ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: ДОКТРИНА И ПРАКТИКА»

Круг обсуждаемых вопросов:

- теория и практика правоохранительного конституционализма, его межотраслевая, многоуровневая, универсальная природа;
- конституционализация институтов административной, муниципально-правовой, уголовной, гражданско-правовой ответственности;
- перспективы реформирования КоАП РФ, других отраслей и институтов правоохранительного законодательства;
- совершенствование судебной и иной правоохранительной практики, роль высших судебных органов в развитии правоохранительного законодательства, формировании судебного права и обеспечении единообразия правоприменения.

Мероприятия Форума:

- рабочее заседание Координационного совета при НОЦ СК ЮФУ.
- выставка научных изданий ученых ЮФУ по проблемам правоохранительного конституционализма;
- представление публикаций по итогам Форума по экономическому конституционализму (21 мая 2021 года).

Модератор панельной дискуссии: Н. С. БОНДАРЬ — судья Конституционного Суда РФ в отставке, руководитель НОЦ СК ЮФУ, заведующий кафедрой муниципального права и природоохранного законодательства ЮФУ, главный научный сотрудник ИЗИСП при Правительстве РФ, д. ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ.

Порядок предоставления материалов для публикации в журнале «СВШ»

Статья направляется в редакцию издания по электронной почте самим автором или уполномоченным автором (в случае коллективного авторства статьи).

Адрес электронной почты редакции: sputnik-nauki@yandex.ru.

Плата за опубликование статьи в журнале с авторов не взимается, кроме случаев, когда автору необходимо оказание дополнительных редакционно-издательских услуг.

Перечень платных услуг редакции см. на обороте этой страницы.

Подробные рекомендации по оформлению направляемой статьи — см. на сайте издания, в разделе «Авторам»: <https://sputnik-nauki.ru/avtoram>.

В комплект файлов заявки входят:

- файл авторской анкетной формы;
- файл статьи;
- файлы иллюстраций (при наличии): схемы, фотографий, таблиц — допустимые форматы указаны в разделах «Оформление иллюстраций» и «Оформление таблиц»;
- файлы дополнительных шрифтов (при необходимости, если в тексте используется не только гарнитура Times New Roman).

Наименование файла статьи должно состоять из сочетания фамилии, инициалов автора (первого автора, если над статьей работал авторский коллектив) и указания жанра материала (статья, рецензия, обзор и пр.), разделенных знаком нижнего подчеркивания: «Петров_А_А_статья.doc» или «Иванов_И_В_рецензия.doc».

Материалы направляются в электронном виде в формате текстового редактора MS Word, TextMaker или OpenOffice (расширения doc, docx, odt или rtf).

Объем статьи не должен превышать 45 тыс. знаков (с пробелами) без учета сносок и иллюстраций.

Характеристики форматирования авторского текстового оригинала:

- шрифт — Times New Roman;
- размер бумаги — А4;
- ориентация листа — портретная;
- размер (кегель) шрифта текста статьи — 14 пунктов;
- междустрочный интервал — полуторный;
- поля страницы — 2 см по периметру (одинаковые по всем четырем сторонам).
- выравнивание текста статьи выполняется по ширине (по формату);
- абзацный отступ — 1 см (исключая заголовки, формулы и иной текст, выровненный по центру листа);
- страницы должны быть пронумерованы (колонцифра располагается в нижнем поле страницы, по центру).
- в случае использования в тексте публикации символов из других шрифтовых гарнитур (не Times New Roman) файлы используемых нестандартных шрифтов (только ttf или otf) следует приложить к оригиналу статьи.

Услуги, предоставляемые редакцией на платной основе (по запросу автора)

- обработка статьи в соответствии с редакционными требованиями (включая подбор УДК);
- редакторские услуги (литературная правка текста статьи);
- корректорская вычитка текста статьи;
- приведение библиографического списка статьи в соответствие с действующими издательскими стандартами;
- подготовка аннотации, ключевых слов, оформление титульной страницы статьи на русском и английском языках;
- текст рецензии на статью в электронном виде;
- авторское свидетельство о публикации статьи;
- печатный экземпляр издания.

Адрес редакционной коллегии:

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 52–56, пом. 22.

Тел.: 8 (863) 241-37-43, 246-08-68.

E-mail: sputnik-nauki@yandex.ru, <https://sputnik-nauki.ru>

Журнал зарегистрирован в Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Регистрационный номер: Эл №ФС77-81697 от 19.08.2021 г.

Выходит ежеквартально.

Главный редактор — Д. В. Нефёдов.

Корректор — П. В. Багров.

Дизайн-модель издания — © Д. В. Нефёдов

Верстка — издательство «Профпресслит», www.profpreslit.ru

Отпечатано в редакционно-издательском комплексе «Профпресслит».
Сдано в набор 14.10.2021. Подписано в печать 20.10.2021. Формат 64x80/8.

Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура Minion Pro.

Усл. печ. л. 6. Тираж 100 экз.

Любая перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций